ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ВЛАДИМІРСКИХЪ ДУХОВНЫХЪ (приходскомъ и уѣздномъ) УЧИЛИЩАХЪ И СЕМИНАРІИ 1818 — 1832 годовъ.

Изъ №№ 10, 11, 12 и 14 Влад. Епарх. Вѣд. 1875 г.

Губ. г. Владиміръ.
ПЕЧАТНЯ А. А. АЛЕКСАНДРОВСКАГО
1875.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
о Владимірскихъ духовныхъ (приходскомъ и уѣздномъ) училищахъ и семинаріи.
1818 — 1832 годовъ.

Сравнивая программы преподаванія наукъ въ семинаріи настоящаго времени съ программами, по которымъ науки преподавались намъ въ 1826—32 годахъ, какую находишь скудость въ нашихъ и какое богатство въ программахъ современныхъ! Священное писаніе, первая и главная основа Богословія, теперь идетъ по всѣмъ классамъ семинаріи, тогда какъ въ наше время говорилось о немъ въ одномъ высшемъ отдѣленіи, говорилось рѣдко, случайно, какъ-бы о предметѣ мало нужномъ. Конечно, широкія программы, для вѣрности успѣховъ, должны имѣть искусныхъ преподавателей: можно о многомъ и многое говорить — и мало сказать, и наоборотъ — не много, но умно сказанное утвердить въ понятіи слушателей; это зависитъ уже прямо отъ качествъ преподавателей. И въ старыя времена были преподаватели, которыхъ не считала бы отсталыми современная семинарія.

Оставляя сравненія старыхъ программъ съ новыми, отдавая полное преимущество современному Уставу семинаріи предъ старымъ, мы намѣрены оживить въ памяти дѣла давно прошедшихъ дней—училищныхъ и семинарскихъ, и помянуть добрымъ словомъ добрыхъ наставниковъ.

Духовныя училища, приходское и уѣздное, и семинарія въ 1818 году помѣщались въ одномъ домѣ; между училищами и семинаріей не было той рѣзкой грани, какая проведена теперь; при переходѣ изъ уѣзднаго училища въ семинарію ученики не встрѣчались съ тѣми строгими испытаніями, какія обусловливаютъ этотъ переходъ нынѣ. Кто

1.

по экзаменамъ въ училищѣ удостоенъ былъ перевода въ семинарію, того семинарія испытывала слабо, и даже не испытывала—вѣрила авторитету училищнаго начальства, и принимала всѣхъ, назначенныхъ къ переводу. Не было примѣра въ нашемъ Владимірскомъ училищѣ, кого бы изъ назначенныхъ къ переводу семинарія забраковала. Да оно и понятно, потому что штатнаго числа учениковъ въ семинаріи не полагалось; всѣхъ охотно принимали учить, которые желали учиться: двери семинаріи раскрыты были широко. Сколько было отцамъ нашимъ предписаній сверху — непремѣнно отдавать дѣтей своихъ въ училища,— были понужденія, были даже угрозы! Обучаясь подъ одною кровлею, воспитанники училищъ и семинаріи, такъ сказать, пропитывались однимъ духомъ: что занимало старшихъ воспитанниковъ, то интересовало и младшихъ питомцевъ; порядки, обычаи, привычки были одни и тѣ же у тѣхъ и другихъ; новый методъ новаго наставника семинаріи давалъ поводъ къ неистощимымъ разсказамъ на квартирахъ среди учениковъ, непосредственно заинтересованныхъ наставникомъ,—и отъ нихъ говоръ переходилъ къ ученикамъ другихъ классовъ. Мальчуганы, слушая эти разсказы, не оставались равнодушными; они нетерпѣливо искали случая хотя взглянуть на этого наставника, подсмотрѣть, какъ и въ чемъ онъ ходитъ. Всѣ случаи, маломальски выходившія изъ обычной колеи семинарской жизни, возбуждали общее вниманіе воспитанниковъ и семинаріи и училищъ.

Принятый въ приходское училище въ 1818 году, я поступилъ въ первый классъ, гдѣ учителемъ былъ священникъ Василій Агаповичъ Аэдоницкій. Это былъ человѣкъ мягкій, добрый, розгу употреблявшій въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Обращались мы съ нимъ свободно, смотрѣли на приходъ его въ классъ безъ страха, относились къ нему съ вопросами смѣло. Оторваннымъ отъ родной семьи—

намъ было легко привыкать къ школѣ при такомъ добромъ и ласковомъ учителѣ.

Всѣ мы, за малымъ исключеніемъ, носили набойчатые, по обычному названію, затрапезные халаты, опоясываясь шерстяными, грубо сдѣланными кушаками; картузы имѣли плисовые темнозеленые, высокіе, о четырехъ вверху углахъ,—сапоги выростковые съ обыкновенными гвоздиками на каблукахъ: половый тесъ въ классныхъ комнатахъ не мало страдалъ отъ этихъ гвоздиковъ. Классическія принадлежности укладывались въ такъ называемыя теки изъ грубой кожи, съ накладкою, застегиваемою большой мѣдной пуговицей; теки носились на кожаномъ черезъ плечо ремнѣ, или тесемкѣ. На случай потребностей желудка, въ теки помѣщались кусочки ржанаго хлѣба, или сдобныя лепешки, присылаемыя отъ матушекъ. Для чернилицъ опредѣлено было мѣсто за кушакомъ спереди: на рѣдкомъ халатѣ не оставалось знака отъ чернилъ на этомъ мѣстѣ. Сюртуки еще и въ семинаріи появлялись рѣдко; смазные сапоги и брюки поверхъ сапога мы видали только на профессорахъ семинаріи и на чиновникахъ. Зимой одѣвались мы въ нагольные тулупы, выбѣленные мѣломъ, изъ овчинъ съ таковымъ же отложнымъ воротникомъ, расплывавшимся по плечамъ и спинѣ; голову отъ стужи кутали въ бараньи и овчинныя шапочки разныхъ формъ; валеные сапоги и валенки охраняли ноги отъ холода. Классы въ училищѣ отапливались ежедневно только при большихъ морозахъ, а большею частію черезъ день; отъ того въ классахъ былъ чувствительный холодъ, а при оттепеляхъ сырость; но въ то время никто на эти бездѣлицы не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. До прихода учителя противъ стужи вооружались разнаго рода моціономъ, то борьбою между собой, то бѣганьемъ въ запуски по скамьямъ и столамъ. При учителѣ искали защиты отъ холода въ воротникахъ и длинныхъ рукавахъ тулуповъ. Писать бы-

ло почти невозможно; во время морозовъ учились писать больше на квартирахъ. Столы въ классахъ были горизонтальные, длинные во всю комнату, поставленные въ два ряда къ стѣнамъ. Подъ верхними толстыми досками, вершковъ на пять ниже, вдѣланы были доски потоньше для поклажи картузовъ, шапокъ и текъ. Краска не покрывала столовъ, да она и удержаться бы не могла.... столы украшались чернильными брызгами и фантастическими вырѣзками посредствомъ перочинныхъ ножей, въ чемъ свободно упражнялись воспитанники во время классныхъ занятій.

Василій Агаповичъ жилъ не далеко отъ семинарскаго дома. Какъ только увидятъ изъ оконъ сѣней или съ крыльца, что онъ вышелъ изъ воротъ своего дома въ своей зеленоватой рясѣ, борьба и бѣганье прекращались; одинъ другому кричалъ: садись, смирно,—учитель идетъ; усядутся, замолчатъ; одинъ изъ мальчиковъ, держась за скобу нѣсколько отворенной двери, при приближеніи учителя, отворялъ ее настежъ; всѣ вставали; одинъ изъ вставшихъ, въ противоположномъ отъ двери углу, читалъ молитву предъ иконой; послѣ молитвы всѣ садились; учитель также садился на свой простой стулъ предъ столикомъ впереди, или ходилъ взадъ и впередъ по классу. Взявъ отъ цензора списокъ учениковъ, онъ вызывалъ то того то другаго мальчика и спрашивалъ заданный урокъ; спрошенные обыкновенно вставали и читали стоя. «Садись, хорошо», замѣчалъ учитель кротко; тѣхъ же, кто плохо прочиталъ, ставилъ изрѣдка на колѣна. Переспросивши такимъ образомъ десятокъ и болѣе учениковъ, учитель осматривалъ письменныя упражненія — обыкновенно на синей грубой бумагѣ, — иногда тутъ же поправлялъ неправильно начертанныя буквы или цыфры и подписывалъ отзывъ: «изрядно, похвально, годится, худо» и т. п., а иногда бралъ тетрадки съ собой на домъ, и на другой день возвращалъ съ подписью. Объясненій и толкованій ника-

кихъ не было, да и объяснять нечего,—мудреныхъ истинъ не встрѣчалося. Два часа пройдетъ за всѣми этими занятіями; радостный звонокъ на Богородицкой колокольнѣ возвѣститъ десять часовъ; Василій Агаповичъ укажетъ, сколько къ слѣдующему дню выучить наизусть и что написать, возметъ шляпу и трость, ученики встанутъ, прочтется благодарственная молитва,—и мы гурьбою, за учителемъ, спѣшимъ бѣжать на квартиры. Въ два часа по полудни опять собирались для изученія нотной азбуки, премудрость которой ставила многихъ изъ насъ въ тупикъ. Выучить изъ краткаго катихизиса страницу наизусть, написать страницу буквъ или цыфръ по линейкамъ, даже заучивать таблицу умноженія — все это было подъ силу; но имѣть дѣло съ точками, имѣющими разные хвостики,—съ точками, начертанными вдоль пяти линѣекъ—для большинства было невыносимо. Тутъ-то бы и требовалась помощь учителя—толково разъяснить и своимъ голосомъ показать значеніе всѣхъ этихъ точекъ, хвостиковъ и черточекъ. Но на бѣду нашу, онъ или самъ плохо зналъ нотную грамоту, или своимъ голосомъ былъ не способенъ уяснить намъ ея значеніе,—только мы цѣлый годъ возились съ этимъ, мудренымъ для насъ, дѣломъ безуспѣшно: порознь поемъ, выходитъ рознь; запоемъ всѣ вмѣстѣ, уши затыкай. Высшее начальство нашъ классъ не посѣщало; мы его мало знали; увидѣли его на окончательномъ экзаменѣ; но экзаменъ прошелъ безъ розогъ, и въ памяти не остался. Помнится только, что въ началѣ зимы ректоръ семинаріи, Архимандритъ Іосифъ, сопровождаемый смотрителемъ и инспекторомъ, обходилъ классы училищъ—проститься съ воспитанниками, былъ и у насъ; его назначили въ Архангельскъ во Епископа; а на его мѣсто опредѣленъ Архимандритъ Павелъ, получившій образованіе въ Петербургской Духовной Академіи.

Во второмъ классѣ приходскаго училища учителемъ

былъ священникъ З. Поступивъ во второй классъ, мы жалѣли Аэдоницкаго, тотому что З. казался суровѣе его; мы сначала боялись новаго учителя, но время и привычка ослабили страхъ. О. З. не былъ жестокъ; плотный, сутуловатый, всегда почти серьезный, онъ къ дѣлу обученія оказался внимательнѣе Аэдоницкаго: что нужно, объяснялъ и выправлялъ; съ незнавшими урока поступалъ хотя и построже, чѣмъ Аэдоницкій, но розги все-таки не были ежедневнымъ явленіемъ, а когда и употреблялись, то въ самомъ умѣренномъ количествѣ. З. наказывалъ безъ малѣйшаго гнѣва, скокойно велитъ дать пятокъ ударовъ розгой, — и садись мирно на скамью; онъ не былъ злопамятенъ: на другой же день снова спроситъ тебя, — и если урокъ выучишь, похвалитъ. Мы, узнавши его покороче въ теченіе первой учебной трети, полюбили также, какъ и Аэдоницкаго. З. былъ мастеръ пѣть, любилъ пѣніе, знатокъ былъ въ пѣніи, и голосъ имѣлъ свободный и довольно сильный. Нотная азбука подъ его руководствомъ потеряла для насъ значеніе іероглифа. На послѣ-обѣденныхъ классахъ онъ прилѣжно упражнялся съ нами, обучая пѣнію; съ нимъ мы прошли всю премудрость азбуки и принялись за обиходъ, разучивая первоначально воскресные стихиры и Богородичны на Господи воззвахъ. Сперва разучимъ однѣ ноты безъ словъ, а потомъ уже съ словами. Любо слушать, бывало, какъ З., одушевленный, начнетъ пѣть «всемірную славу», и мы всѣмъ классомъ подпѣваемъ ему; два часа пройдутъ, — мы и не видимъ, желали бы еще пѣть — до самой ночи: такъ онъ заохотилъ насъ къ занятію пѣніемъ. Всѣ прочіе порядки и вся внѣшняя обстановка во второмъ классѣ были тѣже, что и въ первомъ. Развитіе умственное шло черепашьимъ ходомъ, благодаря узкой программѣ; къ тому же преобладало буквальное заучиваніе урока: отвѣтитъ ученикъ безъ запинки урокъ, — и отмѣчается отличнымъ.

Въ 1820 году перевели насъ въ нисшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Тутъ рѣзкая перемѣна. Вмѣсто двухъ часовъ дообѣденныхъ, надо было учиться четыре часа; тутъ начали знакомить насъ съ латинскимъ и греческимъ языками, россійскою и славянскою грамматиками; тутъ предложили изучать, по краткому малопонятному руководству, уставъ церковный; тутъ изучалась нами ариѳметика, а не однѣ цыфры, — пространный катихизисъ и священная исторія. Тутъ предстали предъ нами два новые учителя, А. и Ч. Первый, какъ старшій, преподавалъ латинскій языкъ, а Ч. какъ младшій—греческій. Молва о строгости ихъ, о неопустительномъ наказаніи за каждый малѣйшій проступокъ, предшествовала вступленію нашему въ классъ: мы сильно заробѣли. Тутъ были и порядки другіе. Кромѣ класснаго цензора, десять или болѣе лучшихъ учениковъ избирались авдиторами; каждому авдитору ввѣрялись пять—шесть учениковъ, ниже его сидѣвшихъ, — и авдиторы обязаны были, по приходѣ въ классъ, провѣрять, насколько каждый изъ назначенныхъ ему учениковъ зналъ заданный учителемъ урокъ, и отмѣчать знаніе урока въ особо заведенномъ у каждаго авдитора спискѣ. Бывало, въ младшихъ классахъ, и не зная урока, можешь просидѣть неспрошеннымъ отъ учителя; въ третьемъ классѣ надѣяться было нельзя. Учитель, по приходѣ въ классъ, прежде всего просматривалъ списки авдиторовъ и чинилъ расправу съ незнавшими. Чтобъ избѣжать этой расправы, лѣнивцы клали въ свои теки лишній кусокъ лепешки, и этимъ кускомъ умилостивляли авдитора, чтобъ сдѣлалъ отмѣтку въ спискѣ помягче. А. былъ горячаго нрава, вспыльчивъ до-нельзя. Незнавшіе во-все урока, по отмѣткѣ авдитора, обязаны были, до прихода учителя въ классъ, становиться на колѣна; такихъ оказывалось десять—пятнадцать мальчиковъ. Какъ только завидятъ черную плисовую рясу изъ-за Богородицкой церкви, гдѣ жилъ А. въ

казенномъ домикѣ, мигомъ бросались за столы; незнавшіе урока становились у двери на колѣна, загораживая въ попыхахъ учителю свободный проходъ; дверь отворялась, А. входилъ и, видя загражденнымъ проходъ къ стулу, начиналъ тростью, какъ попало, очищать себѣ путь. Мальчики, оглушаемые ударами сверху, наклоняли головы, жались одинъ къ другому, переползали на колѣнахъ съ одного мѣста на другое; путь очищался плохо. А. выходилъ изъ себя; онъ начиналъ бить учениковъ по спинамъ и подъ бока своей деревяшкой (А., за неимѣніемъ одной ноги, ходилъ на деревяшкѣ). Мальчики отъ чувствительныхъ ударовъ залѣзали подъ столы,—путь очищался, А. проходилъ, садился на стулъ и разсматривалъ списки авдиторовъ. Къ дверямъ выходили три рослые воспитанника; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ исправную, мягкую, тальниковую розгу, и молчаливо ожидалъ своего дѣла. А., видя въ спискѣ, что такой-то ученикъ вчера зналъ урокъ плохо, а сего дня вовсе не зналъ, въ слухъ называлъ фамилію ученика; ученикъ вставалъ съ колѣней на ноги блѣдный; А. давалъ ему глазами знать, чтобъ приблизился къ двери; ученикъ подходилъ; двое изъ рослыхъ ребятъ брали его, клали на полъ и производили дальнѣйшее приготовленіе къ экзекуціи, а третій спокойно и величаво взмахивалъ розгу, свисталъ ею въ воздухѣ и быстро опускалъ на обнаженную часть тѣла. Наказуемый визжалъ, ворочался, вырывался; его удерживали, сильнѣе напирая руками и колѣнами; розга свистала и опускалась, наказуемый оралъ, просилъ пощады: «помилуйте, Иванъ Михайловичъ»! «Довольно съ него», возглашалъ А. Розга прекращала движеніе; наказанный со стономъ вставалъ, забиралъ растрепанную одежду, и въ слезахъ шелъ на свое мѣсто. По спискамъ вызывался другой, третій — до десятка, и таже процедура, съ тою разницею, что одни при этомъ кричали, визжали, вырывались и просили по-

щады, другіе, закусивши губы, ложились сами и — для формы лишь удерживаемые—лежали, не шевелясь и не обнаруживая боли, хоть засѣки ихъ. Послѣднимъ, конечно, мы удивлялись, и невольно ихъ уважали. По окончаніи экзекуціи, А. спрашивалъ, кого хотѣлъ, уроки; хорошо отвѣчавшихъ знакомъ руки сажалъ, отвѣчавшихъ съ запинками ставилъ къ прочимъ на колѣна. Но если онъ, спрашивая уроки, ходилъ вдоль класса, съ запинкою отвѣчавшихъ въ такомъ случаѣ таскалъ за волосы, или билъ по щекамъ, или по головѣ книгою. Кончивши съ уроками, объяснялъ изъ латинской грамматики слѣдующій урокъ,— и мирно, въ десять часовъ, удалялся. На пѣвческомъ классѣ послѣ обѣда незнавшихъ урокъ всегда оказывалось больше, чѣмъ въ классъ утренній. Становясь на колѣна предъ приходомъ учителя А., они вовсе заслоняли проходъ ему; онъ съ ними также расправлялся, какъ утромъ, но былъ всегда строже послѣ обѣда, чѣмъ утромъ: послѣ обѣда онъ частенько являлся въ возбужденномъ состояніи духа и потому дѣйствовалъ энергичнѣе; тутъ на помощь трости и деревяшкѣ являлся обиходъ—книга въ 4-ю долю листа, тяжеловѣсная; она свободно ходила въ рукахъ учителя по головамъ ребятъ—и виновныхъ и правыхъ. Хотя А. училъ пѣнію хорошо и самъ оное зналъ достаточно; но мы пѣвческихъ его классовъ боялись, какъ огня; рѣдко веселое послѣобѣденное настроеніе его духа не обращалось въ громъ и молнію, по приходѣ его въ классъ. Къ чести А. надо сказать, что онъ, доходя въ гнѣвѣ до бѣшенства, былъ не злопамятенъ: утихала буря, — мы выростали на вершокъ, безъ боязни расспрашивали его о чемъ нужно, свободно отвѣчали гдѣ должно; мы даже любили его за его простое съ нами обращеніе: церемоній онъ не терпѣлъ, нравоученіями насъ не истязалъ; пересѣкъ, кого надо,—и кончено. Отецъ Ч. преподавалъ греческій языкъ толково и ясно, потому что самъ зналъ оный

отлично; его заочно мальчики и звали омегой. Съ церковнымъ уставомъ возились безплодно, хотя и объяснялся онъ старательно. Названія—-самогласенъ, свѣтиленъ, эксапостиларій и др. какъ-то дико отзывались въ ушахъ нашихъ, и въ сознаніи ложились смутно. Ч. былъ совсѣмъ другаго характера, чѣмъ А. Благообразный, опрятно одѣтый, съ величавою походкой, съ улыбкой, рѣдко сходившей съ лица, съ поднятыми постояно бровями, съ тихимъ, ласковымъ голосомъ, онъ не шумѣлъ, не бурлилъ въ классѣ; всегда ровный и спокойный, онъ очень былъ внимателенъ къ своему дѣлу; къ розгѣ обращался рѣдко и то легко, такъ сказать, шутя, и на колѣна ставилъ не много. Любимое у него наказаніе было: возьметъ въ два—три пальца маленькую прядочку волосъ лѣнтяя, и съ улыбкою начнетъ водить взадъ и впередъ нѣсколько разъ, приговаривая: шалунъ, глупэцъ. У лѣнтяя при такомъ, повидимому, слабенькомъ наказаніи бѣгали въ глазахъ искры, слезы каплями падали,—и онъ невольно зѣвалъ на весь классъ: ой, ой! Учитель отнималъ свои пальцы и начиналъ длинное, очень длинное нравоученіе, отъ котораго мальчуганъ пыхтѣлъ, краснѣлъ: потъ каплями вышибался на лбу его; онъ скорѣе согласился бы лечь подъ розги, чѣмъ слушать эту безконечно-язвительную наставительность. Въ слѣдствіе этихъ съ улыбкою наказаній и нравоученій мы боялись учителя Ч. больше, чѣмъ А.,—никогда не были съ нимъ искренни, лгали и обманывали его, гдѣ и какъ только можно, запирались съ божбой въ очевидныхъ проступкахъ, и рады—рады были, когда кончался его классъ. Намъ казалось, что о. Ч. видѣлъ всю нашу подноготную, проникалъ всю нашу душу,—и, не смотря на это убѣжденіе, мы все скрывали отъ него.

Вмѣсто года, въ низшемъ отдѣленіи надо было учиться два, какъ и во всѣхъ слѣдовавшихъ классахъ. Прошли два года тяжкіе—и по широтѣ программы противу двухъ при-

ходскихъ классовъ, и по строгости учителей; едва ли кто остался не испытавъ розогъ; стояніе на колѣнахъ обратилось въ привычку и не производило никакого исправительнаго дѣйствія; да и къ розгамъ уже попривыкли: страшили насъ однѣ внушенія учителя Ч.

Обучаясь въ третьемъ классѣ, мы стали видѣть у себя изрѣдка инспектора и смотрителя училищъ. Инспекторомъ былъ священникъ А., а смотрителемъ Архимандритъ А. Инспекторъ являлся къ намъ, когда надо было учинить расправу съ ученикомъ, провинившимся внѣ классной жизни.

Смотритель изрѣдка заходилъ къ намъ взглянуть на насъ. Онъ строгъ былъ къ себѣ, строгъ и къ подчиненнымъ. Бывало, взойдетъ при учителѣ или и безъ учителя, какъ случится: два-три раза молча обойдетъ вдоль партъ, оглядывая пристально каждаго изъ насъ, и молча выйдетъ. У насъ тряслись поджилки при его посѣщеніяхъ, потому что слыхали отъ старшихъ учениковъ, что онъ очень суровъ и жестокъ. Прошли два года; среди нихъ были экзамены—предъ Рождествомъ и годичный, но они были не строги и безъ особенныхъ приключеній сходили съ рукъ. Послѣ двухъ лѣтъ надо было сдавать окончательный экзаменъ во всемъ, что изучалось за это время. По случаю ли духоты въ классной комнатѣ, или почему другому, смотритель разсудилъ производить экзаменъ въ училищной библіотекѣ, помѣщавшейся внутри колокольни Архіерейскаго дома. Это была мрачная и потому прохладная, со сводами, комната. Ученики нашего класса, въ ожиданіи очереди экзамена, размѣщались на луговинѣ вокругъ колокольни и на лѣстницѣ; въ комнату вызывались по списку трое или пятеро. Среди учителей предсѣдательствовалъ смотритель. Испытанія производились неспѣшно: и такъ и сякъ вертѣли память испытуемаго по всѣмъ предметамъ. Отвѣчавшихъ хорошо отпускали съ миромъ, а съ лѣнтя-

ями и шалунами чинилась расправа, за два года окончательная, очень немирно. Цѣлыя пучки розогъ лежали въ углу; два училищные сторожа, по мановенію смотрителя, клали шалуна или лѣнтяя на полъ и сѣкли безъ пощады. Меньше 25-ти ударовъ не бывало, а иные удостоились получить и до 70. Смотритель спокойно, мѣрно, съ разстановкою, на крики и стоны лѣнтяя отвѣчалъ: «учись прилѣжно, не шали; родители отдали тебя сюда учиться, не баловать, еще, еще,—будетъ». Крики и визги сѣченныхъ прорывались сквозь узкія окна колокольни и леденили кровь ожидавшихъ экзамена. Экзамены кончились; не мало лѣнтяевъ оставлено на второй курсъ въ низшемъ отдѣленіи. Но они и не тужили, потому что колокольня сдѣлала на нихъ тяжелое впечатлѣніе: имъ страшно было поступить подъ непосредственный надзоръ такого гуманнаго педагога, какимъ остался въ ихъ памяти смотритель. Они даже выиграли, потому что съ предметами своего класса въ теченіе слѣдовавшихъ двухъ лѣтъ ознакомились лучше; понятія ихъ развились; деревяшка А—ва и рука Ч—ва почти не касались ихъ; они въ урокахъ стали исправны. Между тѣмъ къ слѣдовавшему курсу смотритель А. переведенъ былъ изъ Владиміра, помнится, въ Могилевъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Архимандритъ Г.

Отецъ Г. былъ веселаго характера, открытый, чрезвычайно добрый, общительный; его прекрасная наружность, бойкая поступь, остроумный разговоръ привлекали къ нему сердца всѣхъ, и учениковъ и учителей. Это былъ любимецъ всѣхъ жителей Владиміра; но, къ сожалѣнію, онъ не имѣлъ призванія быть педагогомъ, очень легко относился къ своему дѣлу. Годъ онъ числился смотрителемъ училищъ и наставникомъ высшаго отдѣленія. Мы учились у него,—но какое ученье! Каждый день являлся онъ въ классъ въ щегольской бархатной или шелковой расѣ, съ

изящными четками, съ цѣнною тростію, съ драгоцѣннымъ крестомъ; молитву прочитаютъ, раскланяется съ нами ласково, скажетъ, чѣмъ заняться въ теченіе двухъ часовъ, трость оставитъ намъ въ залогъ, что онъ еще вернется,— и былъ таковъ! Лѣтомъ, въ сообществѣ съ учителями, свободными отъ занятій, прогуливалъ онъ два часа вокругъ Богородицкой церкви, а зимой въ огромныхъ сѣняхъ семинарскаго дома; во время смѣннаго звонка иногда входилъ въ классъ и задавалъ слѣдовавшій урокъ, а чаще отворялъ только дверь и требовалъ трость. Въ отсутствіе его, конечно, мы занимались, кто и чѣмъ хотѣлъ, а преимущественно географіей, какъ новымъ предметомъ, который намъ пришелся по душѣ. Рѣдко—рѣдко смотритель оставался съ нами въ классѣ,—и какъ же мы были рады, когда онъ это дѣлалъ. Разсказы его географическіе были такъ увлекательны, что мы всѣ обращались въ слухъ, боялись проронить хотя одно его слово. И все, что онъ, бывало, разскажетъ, разъяснитъ, ложилось твердо въ памяти и не требовало повтореній. Ни розогъ, ни коленопреклоненій при немъ не было; дуракомъ никого не называлъ. И замѣчательно: меньше всѣхъ учителей онъ занимался съ нами,—мы предоставлены были сами себѣ; но, не смотря на это, по его предметамъ успѣвали мы лучше, чѣмъ по другимъ; каждый изъ насъ, любя искренно о. Г. и не желая огорчить его своею неисправностію, самъ занимался прилѣжно его предметами. Смотритель утѣшался, когда, спрашивая отъ учениковъ уроки, слышалъ бойкіе, отчетливые отвѣты.—Кончился годъ ученія; надо было производить испытанія. Время стояло жаркое. О. Г. разсудилъ экзаменовать не въ классныхъ комнатахъ и не въ колокольнѣ Архіерейскаго дома, а за Богородицкою церковію на луговинѣ, подъ тѣнію огромнаго вѣтвистаго вяза. Онъ и учители всѣхъ классовъ полулежали, полусидѣли. Мы группами, въ почтительномъ отдаленіи,

сидѣли, говорили, любовались на своего любимаго смотрителя. Вызываемые подходили къ нему безъ робости, смѣло отвѣчали и радостно возвращались къ группамъ. Веселый, говорливый, среди занятій экзаменскихъ шутилъ онъ съ мальчиками, разсказывалъ учителямъ про свое ученье, про старые семинарскіе порядки. Экзаменъ, время самое тяжелое въ жизни ученика, былъ пріятнѣйшимъ отдыхомъ при смотрителѣ Г. Собравшись послѣ вакаціоннаго времени, какъ мы были встревожены, узнавъ, что о. Г. оставилъ службу при нашемъ училищѣ.

Инспекторомъ училищъ, какъ выше уже сказано, былъ священникъ Егоръ Ѳедоровичъ А; онъ же былъ и вторымъ учителемъ въ нашемъ классѣ. Молодой, красивый, развязный, способный къ преподавательскому дѣлу, внимательный къ своимъ обязанностямъ, онъ любимъ былъ учениками, уважаемъ всѣми, его знавшими. Какъ инспекторъ онъ зорко слѣдилъ за поведеніемъ учениковъ, и потачки шалунамъ не давалъ. Какъ учитель, онъ былъ великій мастеръ своего дѣла: ариѳметическія задачи раздѣлывалъ и для самыхъ тупоумныхъ понятно; грамматическія правила объяснялъ приспособительно къ нашимъ, еще не зрѣлымъ, понятіямъ; при переводахъ съ одного языка на другой входилъ въ подробности до самыхъ мелочей. А что преимущественно обнаруживало его способности, познанія и діалектику,— это его объясненія воскресныхъ евангелій и пространнаго катихизиса. Досыта, бывало, не наслушаешься его сладкой, простой, свободной рѣчи. Держа въ рукѣ евангеліе и ходя взадъ и впередъ по классу, онъ говорилъ часъ и болѣе, безъ записки, правильно, ясно, увлекательно. Послѣ его объясненія не требовалось читать никакого толковника: всякая евангельская исторія, или притча, или чудо, переданныя живымъ его словомъ, принимали цѣльный, полный образъ и впечатлѣвались въ душѣ глубоко и прочно. Съ прилѣжными учениками онъ былъ привѣтливъ;

упорныхъ лѣнтяевъ наказывалъ розгами, но слегка, безъ вспышки. Нюхателямъ табака придумывалъ оригинальное наказаніе. Табакерокъ у нюхателей было не много, — не по карману, дороги; нюхали больше изъ берестяныхъ тавлинокъ, и чтобъ не попасться съ тавлинкою на глаза инспектору, рѣдко клали ихъ за пазуху, — замѣтитъ тотчасъ, — а засовывали тавлинки за голенища сапоговъ; а иные, вмѣсто тавлинокъ, держали табакъ въ черниилицахъ открыто на столѣ. Случалось, что иной, вынимая тавлику изъ — за голенища, ронялъ ее на полъ — и попадался; къ другому случайно подходилъ инспекторъ съ перомъ въ рукѣ, чтобъ взять на перо чернилъ, а вмѣсто чернилъ вынимался табакъ. Въ такихъ случаяхъ инспекторъ попадавшихся вызывалъ на средину класса, ставилъ ихъ съ тавлинкою, или табачной черниилицей въ рукахъ на виду всѣхъ, — и они обязаны были, въ рукахъ съ этими доказательствами своей виновности, стоять такъ въ теченіе всего класса.

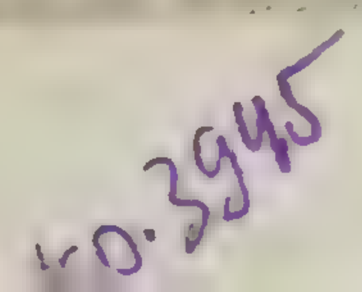
На мѣсто о. Г. назначенъ былъ смотрителемъ училищъ архимандритъ Н. Не высокаго роста, съ длинными волосами, съ серьезнымъ выраженіемъ на лицѣ, онъ ходилъ наклонивши голову, ни на кого прямо не смотрѣлъ, а какъ-то изъ-подлобья. Строгій монахъ, заботливо наблюдавшій за своими внутренними движеніями, онъ мало имѣлъ общенія съ учениками и съ учителями; жизнь мірская отталкивала его отъ себя; всегда уходившій внутрь, скромный необыкновенно, говорившій только гдѣ и что нужно по дѣламъ служебнымъ и наставническимъ, онъ по самому характеру и настроенію своему многаго не видалъ въ нашей школьной жизни, — а мы, заинтересованные этой замѣчательной личностію, слѣдили за нимъ зорко, и никакого пятна не находили въ его поведеніи относительно насъ. Мы не знали, способенъ ли онъ не только усмѣхнуться, даже улыбнуться; уважали его, но не боялись. Къ должности являлся онъ неопустительно, занимался пре-

подаваніемъ рачительно, отдавалъ каждому свое безпристрастно и справедливо. При дурныхъ отвѣтахъ учениковъ и даже совершенномъ незнаніи уроковъ, онъ былъ сдержанъ; мелкихъ нашихъ шалостей не замѣчалъ: розга по его приказу никогда не касалась нашего тѣла, никто и на колѣнахъ не стоялъ на полу въ его классѣ. Но, при всѣхъ его достоинствахъ, насъ будто холодило въ присутствіи его: ни онъ къ намъ не могъ приблизиться, ни мы къ нему привязаться.

Вотъ всѣ наставники и начальники приходскаго и уѣзднаго училищъ отъ 1818 до 26 года. Разлада между учителями не было; они дѣйствовали дружно, тянули всѣ въ одинъ конецъ,—и потому цѣль училищъ достигалась. Начиная учиться въ первомъ классѣ грамотѣ и письму, въ теченіе шести лѣтъ, а менѣе успѣшные въ теченіе восьми, ученики изъ лучшихъ, по окончаніи курса уѣзднаго училища, знали удовлетворительно весь пространный катихизисъ митрополита Платона, ариѳметику, географію, нотное пѣніе, русскую, славянскую, греческую и латинскую грамматики. Латинскій языкъ, какъ одинъ изъ главныхъ предметовъ, изучаемъ былъ съ особенною ревностію, и успѣхи въ немъ оказывались весьма достаточные; лучшіе изъ учениковъ свободно переводили Корнилія Непота и не затруднялись передавать на русскій языкъ рѣчи Цицерона.

Въ теченіе означеннаго времени и наружная обстановка учениковъ значительно измѣнилась къ лучшему. Затрапезные выбойчатые халаты, овчинные нагольные тулупы, высокіе четырехъ угольные картузы и своеобразныя шапки стали рѣдѣть. На большинствѣ явились халаты нанковые, а на щеголяхъ и длиннополые сюртуки; тулупы стали крыть тою же нанкой; картузы, у однихъ суконные, у другихъ плисовые, приняли форму круглую и много ниже старыхъ; по зимамъ носились, вмѣсто шапокъ, тѣже

картузы на ватѣ. У сюртучниковъ, вмѣсто дегтярнаго сапога, явились смазные полусапожки и сверху ихъ брюки изъ той же все нанки. Недоставало только вкуса въ выборѣ цвѣта нанки: темные цвѣта вовсе не были въ употребленіи; для халатовъ и сюртуковъ употреблялась нанка желтая, палевая, ярко-голубая, малиновая, свѣтло-зеленая,—чѣмъ ярче, тѣмъ считалось лучше; темно-зеленую, вишневую, свѣтло-коричневую нанку позволяли себѣ только истые скромники. Воротники на халатахъ, а преимущественно на сюртукахъ, были чернаго или темно-синяго плиса; пуговки сюртучныя — или черныя шелковыя, или обтянутыя тѣмъ же плисомъ; сзади у сюртуковъ на перехватѣ, между двухъ пуговокъ, изъ чернаго снура или изъ плиса выкладывалась замысловатая вверхъ стрѣлка, или эти пуговки соединялись между собою изъ плиса вырѣзанною полоскою, съ разными у каждаго вычурами. Картузы были болѣе скромныхъ цвѣтовъ, но рѣдко черные, а больше темно-зеленые и темно-вишневые. Скромники носили жилеты застегнутыми на-глухо до шеи, а щеголи шалью съ бѣлою, или черною шелковою манишкой. Платочки на шеѣ, навернутые на щетинную подкладку, поднимались высоко, и изъ-подъ нихъ накрахмаленные стоячіе бѣлые воротнички закрывали половину щекъ. Пуховыя шляпы и зеленыя перчатки, какъ роскошь, позволяли себѣ только воспитанники высшихъ отдѣленій семинаріи; у нѣкоторыхъ изъ нихъ, конечно не многихъ, на жилетахъ красовалась бисерная часовая цѣпочка. Суконныя шинелки или капоты, съ капишономъ о четырехъ воротничкахъ и съ двумя поясами сзади употребляли тоже одни только, и то немногіе, богословы. Когда группою ученики выходили изъ класса на квартиры, пестрота сюртуковъ далеко была замѣтна: точно цвѣтникъ въ полномъ развитіи. Слова нѣтъ, что это было безвкусіе; но свѣтлые цвѣта и нанокъ и суконъ и шелковыхъ матерій въ

то время всюду господствовали. И чиновникъ носилъ сюртукъ свѣтло-гороховый, и купецъ небогатой руки рисовался въ малиновой поддевкѣ, и священники, въ томъ числѣ и наши учители, носили рясы и малиновыя, и ранжевыя, и даже бланжевыя и свѣтло-бирюзовыя. На монахахъ, конечно, господствовалъ снаружи черный цвѣтъ, а подрясники преимущественно желтые, малиновые и т. п. О. Г. всегда щеголялъ въ такихъ подрясникахъ изъ штофа. Ученики, употребляя свѣтлые цвѣта, только подражали высшимъ.

На каникулы лѣтнія, рождественскія и пасхальныя отпускали насъ, обыкновенно, съ билетами. Билеты въ наше время писались самымъ тщательнымъ почеркомъ вдоль полулиста, а края ихъ любители украшали арабесками изъ водяныхъ красокъ, вверху слово Билетъ обводился вѣнкомъ изъ цвѣтовъ или дубовыхъ вѣтвей. Страсть къ рисованію проявлялась въ большинствѣ учениковъ; любитель живописи—деньги, данныя отцемъ на крупу, предпочиталъ употребить на покупку ящичка съ красками и кисточками: заведется ими,—и все, свободное отъ ученическихъ дѣлъ, время посвящаетъ рисованію сельскихъ пейсажей. За неимѣніемъ красокъ употреблялся карандашъ. Къ числу рукодѣлій принадлежали ящички, вырѣзаемые перочиннымъ ножемъ изъ куска половой доски, съ выдвигавшеюся сверху дощечкой,—и колечки, составляемыя изъ полосокъ гусинаго пера и обматываемыя сплошь конскимъ волосомъ, съ разноцвѣтными украшеніями изъ фольги, вмѣсто драгоцѣнныхъ камней. Музыкальныя желанія ограничивались покупкою *варгановъ*—этихъ маленькихъ металлическихъ треугольниковъ, съ стальною по срединѣ пластинкою, имѣвшей на одной своей оконечности крючекъ. Приставляя къ раскрытымъ губамъ этотъ нехитрый инструментъ одной рукою, артистъ другою за крючекъ шевелилъ пластинку, и она при выдыханіи издавала слабый

звукъ. Обычныя игры были: козлоки или бабки, свайка, орлянка на козлоки, мячь въ лапту, перочинный ножъ среди пальцевъ руки, вскидываемый на разныя манеры и т. п. Лѣтомъ дозволялось, подъ надзоромъ старшихъ, купаться и во Рпени и въ Клязьмѣ. Неопрятность въ квартирахъ была невообразимая: въ годъ разъ хозяева считали нужнымъ мыть полы квартиръ; насѣкомыхъ и ползающихъ и прыгающихъ было множество. Цѣны обыкновеннымъ квартирамъ, т. е. одной комнатѣ, вмѣщавшей отъ 5 до 12 человѣкъ, съ умѣреннымъ зимою отопленіемъ, были отъ 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 75 коп. ассигн. въ мѣсяцъ съ каждаго ученика. Ученики для стряпни своей, для умыванья, для квасу и бани обязаны были воду доставлять сами; дрова же для кухни и квартирной печи, квасъ, соль, щи, бѣлая капуста — были хозяйскія; въ постные дни осенью и зимой, вмѣсто безвкусныхъ щей, иные выговаривали картофельную похлебку. Щи, черный хлѣбъ и каша были обычными блюдами. О рыбѣ не было и помина; мясо по зимамъ клалось только у самыхъ богатыхъ; сдобная лепешка, хотя бы ржаная, составляла лакомство. Щи у болѣе достаточныхъ учениковъ подбѣливались снятымъ молокомъ; и такъ какъ у этихъ достаточныхъ водились карманныя деньжонки, то они по утрамъ кушали сбитень съ калачемъ, гречневыя блины съ севрюгой или ветчиной, и пышки, а послѣ обѣденнаго класса лакомились лепешечками изъ маку на меду. Бѣдняки довольствовались изрѣдка крупнымъ моченымъ горохомъ—стаканчикъ за копѣйку, а осенью—десяткомъ рѣпъ. Къ южной сторонѣ Сергіевской церкви въ осьмомъ часу утра и къ двумъ пополудни приходили пирожницы, грушники, блинщики, гречушники съ лотками и шевернями, и до прихода учителей насыщали имѣвшихъ въ карманахъ гроши. Нѣкоторымъ избраннымъ открытъ былъ даже и кредитъ до пяти руб. ассигн.; особенно из-

вѣстенъ былъ отпускомъ въ кредитъ сбитеньщикъ Михей. Потребителями впрочемъ были больше ученики семинаріи, а не училищъ. Во время жаровъ заходили изрѣдка продавцы мороженаго. Внутри семинарскаго дома, утромъ и послѣ обѣда, въ сѣняхъ на подоконникѣ являлась каждодневно одна привиллегированная пирожница, старуха, подъ названіемъ нощиха, съ шевернею теплыхъ пшеничныхъ пирожковъ, начиненныхъ въ скоромные дни зайчатиною, а въ постные гречневой кашей съ лукомъ, укутанныхъ въ три—четыре ряда замасленныхъ грязныхъ тряпокъ, и открыто торговала тутъ во всѣ учебные часы. Нужно замѣтить, что эта нощиха промышляла также и омовеніемъ покойниковъ. Не смотря на это, пирожками ея лакомились не только ученики семинаріи, но и профессоры, жившіе на холостую ногу. Нощиха не пряталась, когда по сѣнямъ разгуливали и смотритель училищъ и наставники; только при проходѣ ректора семинаріи сѣнями, она съ шевернею своею скрывалась подъ лѣстницу, ведшую въ верхній этажъ, хотя ректоръ хорошо зналъ, что она тутъ скрывалась.

Возвращаясь послѣ каникулъ лѣтнихъ, рождественскихъ и пасхальныхъ, ученики были обязаны обычаемъ—каждый къ своему учителю явиться. Эти явки сопровождались приношеніями отъ 5 до 50 коп., смотря по состоянію и щедрости родителей. Смотрители не допускали къ себѣ этихъ явокъ.

Вотъ наша училищная жизнь со всѣми ея аттрибутами за полвѣка назадъ. Много было въ ней непріятнаго, тяжелаго; но время и привычка ослабляли эти непріятности, — мы привыкали даже къ розгамъ. Испивая горькое полной чашей, мы не терялись, бодрость духа насъ не оставляла; не видя лучшаго, мы убѣждались, что такъ быть должно, что корень ученія горекъ, какъ намъ постоянно и твердили наши родители. Жили дружно, замкнутые въ своихъ кружкахъ, и голодавшимъ бѣднякамъ

пособляли ломтями мягкаго хлѣба. О проказахъ товарищей было принято не доводить вверхъ, — и если кого не терпѣли, такъ это ябедниковъ; имъ подъ часъ приходилось жутко, съ ними чинили собственнымъ судомъ расправы. На всѣхъ почти своихъ наставниковъ смотрѣли съ благоговѣніемъ, предполагая въ нихъ бездну учености, а къ нѣкоторымъ питали самую горячую привязанность. Осенними вечерами въ сумерки на квартирахъ ученики для отдыха залѣзали на печь или полати, и въ полголоса пѣли любимую пѣсню: «какъ пошелъ Иванъ на Клязьму рано рыбу удить»; а лѣтомъ на сушилахъ сараевъ или чердакахъ гуторили, валяясь на своихъ жесткихъ, пыльныхъ войлокахъ, разсказывая про классные случаи. Всѣ указанные выше наставники сошли уже съ лица земли,—мало осталось въ живыхъ и товарищей-учениковъ; но воспоминанія о наставникахъ долговѣчны. Требуя отъ насъ прилежанія и успѣховъ, они желали намъ добра, хотя и употребляли иногда для этого крутыя мѣры. Эти мѣры требовались духомъ времени и обычая: до болѣе гуманныхъ и разумныхъ въ то время еще не дошли. Ихъ самихъ такъ воспитывали; розга считалась универсальнымъ средствомъ: они продолжали передавать намъ то, что сами прежде насъ принимали. Да будетъ и пребудетъ память объ нихъ во благословеніяхъ!

Въ 1826 году перевели насъ въ нисшее отдѣленіе семинаріи: по видимому, переходъ изъ нижняго этажа въ верхній—только. Мы знали хорошо этотъ этажъ, бывали въ немъ, заглядывали во всѣ классныя его комнаты: казалось бы, перемѣна только въ наставникѣ и предметахъ обученія; на дѣлѣ вышло больше. Внѣшняя обстановка тамъ опрятнѣе и наряднѣе; столы не горизонтальные, а въ видѣ длинныхъ налоевъ, поставленные — одинъ рядъ выше другаго; впереди у простенка возвышенная каѳедра для профессора. Профессоръ могъ безъ затрудненія видѣть

каждаго ученика, не такъ какъ въ училищѣ, гдѣ, за передними партами, сидѣвшіе во второмъ и третьемъ ряду удобно могли скрываться отъ учителей, когда они сидѣли. Встрѣтили мы тамъ болѣе десятка оставленныхъ на второй курсъ, которые на насъ посматривали свысока. Съ нами, питомцами Владимірскаго училища, явились воспитанники училищъ Суздальскаго, Шуйскаго, Переславскаго и Муромскаго. Мы, какъ губернскіе, размѣстились особнякомъ, поближе къ каѳедрѣ. Знакомство съ провинціалами шло туго; они дичились насъ, мы не роняли своего губернскаго значенія. Существованіе авдиторовъ кончилось. Намъ предоставлено самимъ, безъ контроля товарищей, учить свои уроки; это возвысило насъ самихъ; въ каждомъ изъ насъ пробудилось сознаніе своей личности; мы почувствовали, что насъ отнынѣ желаютъ трактовать какъ людей, уже понимающихъ свое положеніе. Эти перемѣны навѣяли на насъ, непримѣтно для насъ самихъ, желаніе къ саморазвитію. Училищная жизнь, со всѣми ея порядками и требованіями, уходила въ даль, — мы перерождались. Купили риторику Бургія, какъ основный, главный предметъ класса. Достаточно знакомые съ латынью, мы, листуя новую книгу, на каждой страницѣ видѣли однакоже неразгаданную премудрость; хотѣлось бы, хотя не много, узнать объ этой премудрости отъ оставшихся на вторый курсъ, но они были недоступны и молчаливы.

Для помѣщенія всѣхъ, поступившихъ въ низшее отдѣленіе семинаріи, воспитанниковъ не оказалось достаточно просторной классной комнаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и затруднительно было бы для одного лица быть учителемъ такого огромнаго числа учениковъ; поэтому низшее отдѣленіе семинаріи раздѣлили на два. Мнѣ палъ жребій обучаться въ 1-мъ отдѣленіи. Профессоромъ словесности въ этомъ отдѣленіи былъ Петръ Михайловичъ Б., магистръ духовной академіи; онъ же былъ и секретаремъ

правленія семинаріи: худощавый, съ остроконечнымъ длиннымъ носомъ, ежеминутно слегка покашливающій, со слабымъ голосомъ — на первыхъ порахъ онъ не привлекалъ къ себѣ своею наружностію. Положивши Бургія на столъ предъ собою, мы съ нетерпѣніемъ ожидали перваго появленія къ намъ своего наставника, надѣясь, что онъ заставитъ насъ перевести первую страничку мудреной для насъ книги. Надежды наши не сбылись: Б. взошелъ, раскланялся, осмотрѣлъ насъ и, вмѣсто Бургія, началъ говорить о предложеніяхъ, какъ ихъ составлять, видоизмѣнять, дополнять вводными, выставляя примѣры того, другаго и третьяго. Рѣчь плавная, необрывистая, понятная; много представилъ примѣровъ предложеній, уясняя ихъ такъ все просто, толковито, доступно нашей воспріимчивости. Болѣе часа говорилъ, потомъ повторилъ нѣсколько сжатѣе сказанное и тутъ же заставлялъ многихъ учениковъ порознь — сказать предложеніе. Отвѣты выходили удачны; профессоръ остался доволенъ, и на слѣдующій урокъ приказалъ приготовить каждому на тетрадкѣ свои предложенія съ видоизмѣненіями: про Бургія—ни одного слова. Къ слѣдующему дню предложенія были придуманы и старательно написаны Б. по приходѣ въ классъ почти всѣ ихъ пересмотрѣлъ, неправильно изложенныя выправилъ, на нѣкоторыхъ болѣе удачныхъ останавливался, разъясняя и повторяя сказанное прежде; все это дѣлалось въ слухъ всему классу. Въ недѣлю, не больше, понятія о предложеніяхъ, о сочетаніи и видоизмѣненіи ихъ усвоены были нашими головами: Бургія не раскрывали. Трактатецъ о предложеніяхъ, объясненный въ теченіе нѣсколькихъ дней, Б. изложилъ въ сжатомъ видѣ на полулистѣ, и каждому изъ насъ приказалъ списать и знать наизусть: это начало риторическихъ записокъ, вмѣсто Бургія, къ которому во весь курсъ такъ и не обращались. Во второмъ отдѣленіи, разсказывали, было не такъ, — ломали

головы о Бургія не мало; но мы, чего не испытали, и судить о томъ не можемъ. Отъ предложеній очередь дошла до періодовъ — причинныхъ, условныхъ и проч. Съ ними наставникъ возился долго. Толкованіе его о періодахъ было также ясно и просто, какъ и о предложеніяхъ; но наша воспріимчивость была слаба и требовала большихъ усилій къ усвоенію слышаннаго. Дастъ, бывало, учитель изъ предложенія—трудъ полезенъ—написать періодъ причинный: ученикъ съ первою частію періода коекакъ еще совладѣетъ,—разгонитъ два слова предложенія на двѣ, на три строчки; но почему трудъ полезенъ, — до этой истины добираться было очень трудно. Хорошо было тѣмъ, которые квартировали съ учениками средняго или высшаго отдѣленія семинаріи: когда голова отказывалась выработать требуемую истину, — воспитанники старшіе открывали ее тщетно—искавшему; трудъ ему предстоялъ только — изложить открытое правильно и безъ грамматическихъ ошибокъ. Вся почти первая треть употреблена была на обученіе искусству составлять разноформенные періоды; малоспособнымъ такъ и не далось это дѣло. Профессоръ Б., кромѣ риторики, преподавалъ еще всеобщую исторію. Учебникомъ была Исторія Шрекка; но Б. также игнорировалъ это руководство, какъ и Бургія. Помнится, приносилъ онъ на историческій классъ съ собою двѣ толстыя книги, садился на каѳедрѣ, книги разлагалъ предъ собою, просилъ нашего вниманія и начиналъ разсказывать. Первая треть посвящена была разсказу о Персидской монархіи. Разсказъ кончался; профессоръ требовалъ, чтобъ разсказанное къ слѣдующему классу каждый изъ учениковъ изложилъ своими словами на бумагѣ и ему представилъ. Это насъ не затрудняло; мы охотно составляли для себя историческія записки, кто какъ умѣлъ; выдумывать тутъ не приходилось: слушай внимательно лекцію и перелагай ее на бумагу. Между тѣмъ симъ способомъ мы

пріучались свободно, быстро и логично излагать разсказъ; намъ уже мерещилось, что мы сочинители. Самый разсказъ, внимательно выслушанный, усвоенный памятью и выраженный на бумагѣ, оставался въ памяти твердо и, такъ сказать, долговѣчно: дѣянія Персидскихъ монарховъ и теперь еще живы въ памяти. Отъ Персіи перешли мы къ Греціи и Риму. Ни средней, ни новой исторіи Б. намъ не читалъ,—не достало времени. Составленныя нами записки онъ отбиралъ отъ насъ, прочитывалъ у себя на квартирѣ, неправильно выраженное исправлялъ и внизу подписывалъ похвалу. Возвращая записки ученикамъ, лучшія, по его мнѣнію, или самъ читалъ во всеуслышаніе, или приказывалъ читать составителю. — Вообще исторія шла у него превосходно; мы были сильно ею заинтересованы.

Окончивши трудъ надъ періодами, по классу словесности, принялся Петръ Михайловичъ за хріи—простыя и превращенныя. Хлопотъ у него съ хріями было тоже много; головы наши были безсодержательны, свѣдѣній у насъ было очень мало. Если, давая предложеніе, учитель самъ раскроетъ намъ и причины, и условія, и сравненія и примѣры предложенія, — мы не затруднялись; съ однимъ же голымъ предложеніемъ возились мы долго и часто безуспѣшно. Но время и трудъ пріучили насъ къ составленію хрій. Словесность пошла дальше; обо всѣхъ ея видахъ—тропахъ, фигурахъ, давались удобопонятныя изъясненія, приводились мѣткіе примѣры. Въ классѣ мы слушали, на квартирахъ составляли письменныя задачи. Удачныя задачи вызывали лестныя для ученика похвалы наставника. Однимъ словомъ, словесность полюбилась намъ не меньше исторіи.

Посвящено было нѣсколько времени въ теченіе курса и искуству стихотворенія, съ раскрытіемъ всѣхъ его тайнъ. Ломоносовъ, Державинъ, Жуковскій и Крыловъ—только и

были четыре авторитетные поэта, произведенія которыхъ, по указанію Б., мы выучивали наизусть и читали въ его присутствіи. Оды Державина, псалмы Ломоносова, «пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» и «свѣтлана» Жуковскаго и нѣкоторыя басни Крылова выучены были даже и лѣнивыми. Къ концу курса обозначились въ средѣ нашей свои слагатели стиховъ; представляли наставнику довольно удачные опыты и одъ, и посланій, и эклогъ и мадригалевъ и т. п. Б. своимъ деликатнымъ обращеніемъ, своимъ умѣньемъ приспособляться къ нашимъ узкимъ понятіямъ и развивать ихъ постепенно, своимъ мастерствомъ возбуждать въ насъ любовь къ изучаемымъ предметамъ, умѣлъ въ теченіе курса такъ насъ привязать къ себѣ, что и доселѣ съ чувствомъ живѣйшей признательности вспоминаемъ эту умную и свѣтлую личность.

При поступленіи въ классъ риторики намъ было предложено избрать для изученія Французскій или нѣмецкій языкъ. Преподавателями сихъ языковъ, равно и греческаго, были окончившіе курсъ семинаріи—студенты. Языками занимались слабо; они считались пустыми предметами. Самые лучшіе ученики, по главнымъ предметамъ, нерѣдко по изученію языковъ оказывались слабѣйшими; на это не обращало почти никакого вниманія семинарское начальство. Пять-десять учениковъ изъ всего класса прилѣжно изучали французскій языкъ,—и это считалось достаточнымъ. Латинскій, напротивъ, былъ въ почетѣ. Хотя Бургій былъ заброшенъ; но письменныя задачи по словесности, т. е. составленіе періодовъ, хрій, небольшихъ разсужденій Б. требовалъ отъ насъ на латинскомъ языкѣ также, какъ и на русскомъ. Классное время по французскому языку употреблялось на переливанье изъ пустаго въ порожнее, или на чтеніе гдѣ либо съ трудомъ добытой книжки.

Языки преподавались большею частію въ послѣ-обѣден-

ные классы. Во время этихъ классовъ въ семинарскій домъ не заглядывали ни ректоръ, ни инспекторъ, ни главные профессоры семинаріи. Вслѣдствіе отсутствія всякаго надзора со стороны семинарскихъ властей, ученики, особенно изъ малоприлѣжныхъ и неспособныхъ, затѣвали кулачные бои. Собравшись, раздѣлялись на двѣ половины; младшіе возрастомъ и слабѣйшіе по физическимъ силамъ, становясь между столовъ, одни противъ другихъ, начинали кулачную возню, съ условіемъ не бить въ лицо, чтобъ не оставить синяка и не отвѣчать послѣ предъ начальствомъ. Бой усиливался, вмѣшивались болѣе рослые и болѣе сильные. Бой превращался въ свалку,—перевѣса нѣтъ ни на той, ни на другой сторонѣ. Въ резервѣ соблюдались геркулесовскія силы у той и другой; эти силы вызывались на помощь по фамиліямъ, онѣ вступали въ дѣйствіе; свалка становилась съ минуты на минуту яростнѣе, ожесточеннѣе, — и въ результатѣ всегда выходило такъ, что геркулесъ одной стороны одушевляемый, поддерживаемый сотоварищами, поражалъ геркулеса противной стороны, прорывалъ непріятеля,—и вся масса побѣдителей съ гикомъ преслѣдовала предавшихся бѣгству, награждая ихъ полновѣсными кулаками въ шею, спину и плечи. Не участвовавшіе въ битвѣ стояли на скамьяхъ, и привѣтствовали побѣдителей криками: ура! Условіе— не бить въ лицо, конечно, забывалось: гдѣ и когда тутъ высматривать, куда направить кулакъ; онъ носился безъ осторожности и не рѣдко попадалъ въ носъ, разбивая его до крови, или оставлялъ багровые слѣды подъ глазами. Лекторъ (такъ назывались преподаватели языковъ) часто приходилъ въ свой классъ въ моментъ самой свалки, и волей—неволей долженъ былъ, стоя у двери, ожидать ея окончанія. Побоище кончилось: раненые выходили, и у колодца изъ бадьи пользовали свои разбитые носы холодною водой; прочіе размѣщались по своимъ мѣстамъ,

возстановлялись — тишь и миръ, какъ ни въ чемъ не бывало. Геркулесы—побѣдители окружаемы были особымъ почетомъ; про ихъ подвиги стоустая молва быстро разносила вѣсть по всѣмъ классамъ; ихъ, по окончаніи класса, поздравляли, имъ жали руки. И странное дѣло: эти побоища были, особенно по зимамъ, чуть не ежедневно,—и ректоръ и инспекторъ не могли не знать объ нихъ; но не только взысканій, даже запрета продолжать эти побоища не было. Просто, начальство игнорировало эти потѣхи; оно хорошо знало, что въ низшихъ отдѣленіяхъ происходили кулачные бои, но смотрѣло на это, какъ на гимнастику, полезную для развитія силъ физическихъ, и потому — молчало.

Инспекторомъ семинаріи въ это время былъ профессоръ философіи Василій Ѳедоровичъ. А. По словамъ учениковъ его, наставникъ былъ хорошій, образованный, даровитый; но, какъ инспекторъ, былъ человѣкъ довольно жестокій, мстительный и подозрительный. У него были свои любимцы—наушники,—и горе тѣмъ, кто попадался подъ его расправу и судъ. Ритористы еще не успѣли усвоить себѣ привычки пить водку, буйствовать на квартирахъ, или другія чинить проказы: все это было удѣломъ философовъ и богослововъ. Поэтому съ инспекторомъ намъ почти не приходилось имѣть дѣла. Но любители выпивки и буйства, ученики высш. и средн. отдѣленій, жестоко платились за свою разгульную жизнь: ихъ сажали въ карцеръ на нѣсколько дней; ихъ по секретному опредѣленію Правленія семинаріи сѣкли и даже исключали, съ худыми отмѣтками во свидѣтельствахъ. Жестокость инспектора проявлялась, при обходѣ по вечерамъ семинарскихъ квартиръ, надъ нюхателями табака. Взойдетъ внезапно въ комнату; ученики сидятъ вокругъ стола, кто читаетъ, кто пишетъ, кто учитъ урокъ, зажавши руками уши; табакерку со стола убрать не успѣли. Вопросъ «чья табакер-

ка?» вынуждалъ указать на преступника. Инспекторъ бралъ табакерку въ руку и дотолѣ ее не бросалъ, доколѣ не изломаетъ ее всю объ виски и затылокъ табачника. Обоняніе онъ имѣлъ очень тонкое, запахъ сивухи узнавалъ издалека. «Дохни на меня», скажетъ пахнувшему водкой; тотъ дохнетъ, сивушній запахъ есть: руки инспектора пойдутъ разгуливать по ланитамъ винолюбца, такъ что ланиты къ утру и припухнутъ; или обѣими руками вцѣпится въ волосы виноватаго,—и ну качать голову его на право и на лѣво. Кого въ квартирѣ не застанетъ, прикажетъ рано утромъ явиться къ себѣ. «Дохни на меня, бездѣльникъ!» Тотъ дохнетъ, сивушнаго запаха не окажется: «ступай въ классъ», закончитъ; а запахъ есть,—расправа опять таже, что и на квартирахъ. Наушники, въ желаніи угодить и выслужиться предъ инспекторомъ, какъ-то узнавали о всѣхъ случаяхъ попоекъ и доводили до его свѣдѣнія. Въ слѣдствіе ручныхъ, чувствительныхъ для головы, расправъ инспектора, всѣ страшно боялись даже встрѣчаться съ нимъ. Только непосредственные ученики ректора составляли исключеніе: надъ ними инспекторъ не давалъ воли своимъ рукамъ, а ограничивался только бранью. Ходило въ то время не мало анекдотовъ о борьбѣ между учениками ректора и инспекторскимъ надзоромъ; но я не даю имъ здѣсь мѣста, потому что не ручаюсь за ихъ вѣрность.

Когда я былъ въ риторикѣ, ревизовалъ семинарію Архимандритъ Евлампій, присланный изъ Московской духовной академіи. Ревизія не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ въ памяти. Сопутствуемый ректоромъ, инспекторомъ и нѣкоторыми изъ профессоровъ, ревизоръ явился въ наше отдѣленіе утромъ, и по списку вызывалъ на средину класса (десятка полтора) учениковъ, которымъ профессоръ давалъ вопросы по словесности и исторіи. Ученики, зная твердо записки наставника, тѣмъ болѣе что

онѣ не были обширны, отвѣчали удовлетворительно. Ревизоръ, примѣтно, былъ доволенъ. Такъ шло дѣло ревизіи и въ другихъ классахъ.

Прошли два года за изученіемъ словесности и всеобщей исторіи. Мы пріобрѣли навыкъ излагать мысли на бумагѣ; мы уже не затруднялись подбирать одну мысль къ другой, изъ данной выводить новую. Многописаніе у нѣкоторыхъ становилось даже недостаткомъ. Б. не рѣдко усѣкалъ многословіе, требуя болѣе сжатой и ясной рѣчи. Узнали мы про славное бытіе Персіи, Греціи и Рима; о русскомъ народѣ было намъ сказано очень, очень мало. Попривыкли мы сочинять на латинскомъ языкѣ. Желавшіе изучили французскую грамматику и начали понемногу переводить съ французскаго на русскій. Самое двухълѣтнее время пособило развиться въ насъ способности пониманія и размышленія; мы уже бросили дѣтскія игры, зачитывались стихами Жуковскаго и прозою Карамзина; въ самыхъ научныхъ предметахъ находили наслажденіе; словомъ—по всѣмъ правамъ готовы были вступить въ область философіи, къ которой стремились, хотя вовсе не знали, что это за наука. Желаніе наше исполнилось; насъ перевели въ среднее отдѣленіе семинаріи.

Среднее отдѣленіе раздѣлялось также, какъ и низшее, на два—на первое и второе. Я назначенъ былъ въ первое. Преподававшій въ этомъ отдѣленіи профессоръ А. переведенъ былъ инспекторомъ въ другую семинарію. Наставникомъ философіи въ наше отдѣленіе, во время каникулъ, присланъ былъ іеромонахъ Савва. Худощавый, бѣлокурый, небольшаго роста, симпатичной наружности, чрезвычайно скромный и, примѣтно, добрый, о. Савва на первыхъ порахъ произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе. Въ первое посѣщеніе говорилъ въ теченіе двухъ часовъ о значеніи философіи, о пользѣ ея, о пригодности ея въ духовной жизни. Въ другой разъ, продолжая рѣчь о томъ

же, коснулся и того, какъ согласить пытливость философствующаго ума съ требованіемъ христіанской вѣры, указывая слегка на подводные камни философіи. Двумя лекціями, прекрасно сказанными, онъ обрисовалъ предъ нами темный для насъ дотолѣ горизонтъ философскій, бросилъ въ наши головы лучь, нѣсколько освѣтившій предстоявшее намъ дѣло. Мы жадно ловили каждое его слово, одинъ другому передавали, обсуждали; отъ двухъ лекцій будто возмужали мы, сдѣлались серьезны, на философію стали смотрѣть съ благоговѣніемъ. Сентября 17 дня, явился къ намъ о. Савва унылый, растроганный; помолившись, сѣлъ на стулъ (каѳедры въ нашемъ отдѣленіи не было), вынулъ поллистъ, кругомъ исписанный, и дрожащимъ голосомъ прочелъ на немъ прощальную рѣчь къ намъ,—всталъ, поклонился низко на обѣ стороны сидѣвшимъ воспитанникамъ и, взволнованный, тихо вышелъ. (*) Отъ неожиданнаго прощанія мы не скоро пришли въ себя,—мы не хотѣли этому вѣрить, но пришлось увѣриться. О. Савва чрезъ сутки, помнится, выѣхалъ изъ Владиміра. Послѣ узнали, что онъ, еще до пріѣзда во Владиміръ, просилъ высшее начальство объ увольненіи его отъ службы при семинаріи и опредѣленіи въ число братства въ Валаамскій монастырь.

На мѣсто о. Саввы профессоромъ философіи опредѣленъ былъ магистръ Московской духовной академіи Архимандритъ Агапитъ; онъ же занялъ и должность инспектора семинаріи. О. Агапитъ многимъ еще былъ памятенъ, какъ воспитанникъ Владимірской семинаріи, отличавшійся хорошими успѣхами и строгимъ аскетическимъ поведеніемъ. Сожалѣніе объ о. Саввѣ смѣнилось радостію, что преемникъ его—родичъ Владимірскій. О. Агапитъ для преподаванія философіи не взялъ въ руководство Бавмейстера, какъ дѣлалъ товарищъ его во 2 отдѣленіи Лебедевъ, а для

(*) Рѣчь помѣщается въ приложеніи.

каждаго урока ежедневно давалъ свои записки частію на русскомъ, частію на латинскомъ языкѣ. Это нѣсколько облегчало воспитанниковъ, плохо знавшихъ языкъ латинскій. До прихода наставника въ классъ, съ записки его, подъ диктовку старшаго ученика класса, мы писали урокъ къ слѣдовавшему дню; наставникъ являлся, и списанный нами урокъ объяснялъ два, три раза, чтобъ всѣ могли усвоить оный; объясненія дѣлалъ просто, вразумительно даже и для туго воспріимчивыхъ. Въ чьей головѣ раждались какія либо недоумѣнія, тотъ свободно вставалъ и просилъ разрѣшенія недоумѣній; наставникъ удовлетворялъ вопрошавшаго, видимо довольный, что лекціи его не бьютъ воздухъ, а попадаютъ прямо на мозги. Рѣчь о. Агапита не была блестяща, не отличалась эффектаціей, но богата истиною и пропитана духомъ христіанскимъ Проходили постепенно логику, психологію опытную и умственную, космологію, философію нравственную всеобщую и частную ѳику, и закончили историческимъ обзоромъ философскихъ системъ. Обзоръ изложенъ былъ на латинскомъ языкѣ и слишкомъ пространно, и потому очень не многіе изъ учениковъ освоились съ нимъ, какъ должно. Въ теченіе двухъ годовъ прилѣжные и даровитые ученики сильно интересовались философскими познаніями, привыкли выражаться языкомъ наставническихъ записокъ, возбуждали между собою безконечные споры, а въ классѣ, пользуясь добротою наставника, предлагали ему вопросъ за вопросомъ, и онъ не затруднялся и не тяготился давать успокоительные отвѣты искателямъ истины. Мысль работала неустанно, съ любовію. Чтобъ нагляднѣе видѣть, чѣмъ мы занимались и что отъ насъ требовалъ профессоръ, перечислю задачи о. Аг., данныя намъ для письменныхъ разсужденій въ теченіе курса: 1) о пользѣ логики въ философскихъ познаніяхъ, 2) обманываютъ ли насъ чувства, или нѣтъ?, 3) откуда философія получила свое начало?, 4) можно ли

быть философомъ, не будучи благочестивымъ человѣкомъ?, 5) старѣетъ ли природа?, 6) въ чемъ состоитъ образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ?, 7) о средствахъ укрощать страсти, 8) о необходимости и пользѣ внѣшняго Богопочтенія, 9) о началѣ добра, 10) о назначеніи настоящей жизни, 11) опроверженія на ученія безбожниковъ, что міръ произошелъ отъ случайнаго сцѣпленія атомовъ, 12) что матерія есть Богъ, 13) что природа или міръ видимый — есть Богъ, 14) о Промыслѣ, 15) si existentia Dei cuique certa est, nonne vana sit eius demonstratio?, 16) an mundus hic perfectus est?, 17) ob-quas rationes phantasia inter philosophos orientales magis viguerat, quam occidentales? и 18) utrum parabolae habent vim probandi?

Главный, существенный недостатокъ въ нашихъ философскихъ занятіяхъ былъ — неимѣніе философскихъ книгъ: кромѣ записокъ профессора и кой-какихъ старинныхъ выписокъ, преемственно переходившихъ отъ курса къ курсу, мы одной печатной строчки не видали по проходимому нами предмету. Жажда къ пріобрѣтенію познаній разгаралась; удовлетворять ее было совершенно нечѣмъ. Въ концѣ курса какъ-то попали къ намъ отрывки изъ записокъ Голубинскаго, — и я помню, съ какимъ наслажденіемъ мы читали и переписывали для себя эти отрывки. На экзамены третные и годичные приходилъ къ намъ ректоръ, архимандритъ Павелъ, и вызнавалъ состояніе нашихъ успѣховъ, задавая каждому ученику составленіе силлогизмовъ; отвѣты по наставническимъ запискамъ мало занимали его: тотъ и умникъ, кто удачно, по его предложеніямъ, составлялъ силлогизмы; мы это знали и выходили умнѣйшими умниками.

Какъ инспекторъ, о. Агапитъ неусыпно смотрѣлъ за поведеніемъ учениковъ, ежедневно обходилъ часть квартиръ ихъ, вникалъ въ домашній бытъ ихъ, не оставлялъ безъ замѣчаній и выговоровъ и малыя шалости; о прос-

тупкахъ болѣе тяжкихъ доносилъ правленію семинаріи; но своеручной расправы, какъ А., никогда не допускалъ. Воспитанники уважали его, боялись, но не были противъ него озлоблены. Памятникомъ его инспекторской заботливости сохранилось начертаніе должности старшаго, выданное имъ 6 сентября 1830 года для руководства каждому церковному старшему (*).

Въ среднемъ отдѣленіи, кромѣ философіи, преподавались математика, физика и Еврейскій языкъ, обязательный для всѣхъ учениковъ; но этими предметами, какъ второстепенными, занимались очень-не многіе. Начальство чрезвычайно слабо смотрѣло за успѣхами по этимъ предметамъ; были примѣры, что ученики, отличные по философіи, не умѣли различить буквъ алефъ и бетъ,—и это нисколько не ставилось въ вину имъ. Десятокъ охотниковъ окружатъ, бывало, доску, на которой профессоръ Левитскій раздѣлывалъ математическія задачи, или слушали грамматическій разборъ еврейскій лектора Остроумова; остальные же, размѣстившись группами, вели между собою философскій споръ.

Въ концѣ нашего философскаго курса ректоръ семинаріи, архимандритъ Павелъ, назначенъ былъ епископомъ въ Кострому. Сдавши должность инспектору, онъ простился съ семинаріей и весною выѣхалъ изъ Владиміра для принятія хиротоніи въ столицу. Въ іюнѣ, проѣзжая въ Кострому, останавливался во Владимірѣ, и когда икона Боголюбивой Богоматери находилась въ Сергіевской церкви, совершалъ въ этой церкви литургію въ сослуженіи съ инспекторомъ и іереями, наставниками семинаріи и училищъ; по окончаніи литургіи торжественно, съ крестнымъ ходомъ, отправился въ семинарскій домъ для совершенія водосвятнаго молебствія предъ иконою Богоматери. Воспитанники сем. отъ воротъ сем. двора до крыльца дома,

(*) Помѣщается въ приложеніи.

по обѣ стороны дороги, стояли рядами и видѣли въ первый и въ послѣдній разъ своего бывшаго ректора въ святительскомъ санѣ.

Архмандритъ Павелъ былъ двѣнадцать лѣтъ ректоромъ семинаріи. Это былъ добрѣйшій человѣкъ, какого только можно встрѣтить. Въ 12 лѣтъ едва-ли онъ сдѣлалъ кому какую-либо непріятность. Высокій ростомъ, пріятной наружности, тихій, ласковый, подъ часъ очень веселый, онъ былъ необычайно тученъ; жизнь велъ онъ умѣренную, и тучность его была болѣзненная.

По пятницамъ онъ постоянно ѣздилъ въ баню, стоявшую въ семинарскомъ саду, — и въ субботу, опасаясь простуды послѣ бани, въ классъ на свой урокъ никогда не жаловалъ: пришлетъ ученикамъ своимъ какую либо духовную книжку для прочтенія, тѣмъ дѣло по субботамъ и кончалось. Ученики его отдѣленія, опираясь на чрезмѣрную доброту его, пошаливали. Двѣнадцатилѣтнее управленіе семинаріей архимандрита Павла положило особый отпечатокъ какъ на наставниковъ, такъ и на воспитанниковъ. Не будь такихъ зоркихъ и строгихъ инспекторовъ, доброта ректора могла бы допустить безпорядки значительнѣе тѣхъ, какіе существовали. Звонокъ Богородицкой колокольни не служилъ сигналомъ для начала лекцій: нѣкоторые наставники приходили въ классы, когда какъ придется; ректоръ, кромѣ времени экзаменовъ, не заглядывалъ въ другія отдѣленія; всѣмъ было льготно, всѣ жили на распашку. Съ выбытіемъ Павла, при новомъ начальникѣ, многое измѣнилось: дѣятельность проявилась живѣе, начиная съ правленія семинаріи и кончая первымъ классомъ приходскаго училища; кулачные бои прекратились; игры на семинарскомъ дворѣ притихли; инспектору стало меньше заботъ; наставники являлись въ классы по звонку. Намъ было не жаль, что разстались съ старымъ порядкомъ: кто любилъ науку, тотъ бодро съ довѣріемъ

шелъ на встрѣчу новому управленію, потому что новое управленіе расширяло кругъ науки, энергичнѣе принялось за трудъ, быстрѣе достигало предположенной цѣли. Жаль было одного, что съ выбытіемъ Павла кончились майскія рекреаціи. . . . .

Кстати о рекреаціяхъ. Воспитанники семинаріи настоящаго времени могли, конечно, слышать о существованіи нашихъ рекреацій; но они не могутъ представить того обаянія, тѣхъ восторговъ, съ какими рекреаціонные дни въ былое время встрѣчали семинаристы, дѣды настоящихъ. Въ маѣ каждогодно пять—шесть дней будничныхъ отдавалось гулянью, — гулянью не одиночному, гдѣ кто хотѣлъ, а общему для всей семинаріи въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ. . . . .

Мальчики училищъ въ семь часовъ утра, въ маѣ, являлись въ классы,—и видя, что на небѣ солнце безоблачно, вѣтра нѣтъ и тепло, сговорясь, отправлялись группою къ квартирѣ старшаго семинаріи и, выровнявшись предъ окнами квартиры, начинали громко пѣть: Domine Senior (фамилія старшаго), recreationem humillime rogamus. Разъ десять пропоютъ эту пѣсню, все выше и выше тономъ, покуда вызовутъ старшаго. Старшій, одѣвшись, идетъ въ классъ и, посовѣтовавшись съ товарищами, отправляется, въ сообществѣ съ другимъ старшимъ, къ ректору и проситъ исходатайствовать у Владыки разрѣшенія на рекреацію. Ректоръ соглашается, оставляетъ старшихъ у себя въ кельи, а самъ отправляется къ преосвященному Парѳенію. Владыка благословляетъ ребятъ погулять. Ректоръ, возвратившись отъ архіерея, приказываетъ старшимъ оповѣстить семинаристовъ, чтобъ немедленно шли на архіерейскій дворъ лично просить рекреаціи у Владыки. Покуда шли эти переходы старшихъ къ ректору, ректора къ архіерею и обратно, бьетъ восемь часовъ. Вся семинарія въ ожиданіи возврата старшихъ. Мальчики отъ не-

терпѣнія выходятъ за семинарскія ворота, жадно устремляютъ взоры къ Ивановскому мосту, замѣчаютъ наконецъ возвращающихся старшихъ, по ихъ походкѣ стараются угадать, какой несутъ они отвѣтъ, начинаютъ волноваться, массою идутъ на встрѣчу къ старшимъ, близь Богословской церкви, безъ картузовъ, окружаютъ старшихъ; тѣ молчатъ и идутъ въ семинарскій домъ; мальчики имъ сопутствуютъ, глядятъ въ глаза, забѣгая впередъ, ждутъ разрѣшенія; старшіе все молчатъ. На крыльцѣ семинарскаго дома и вокругъ крыльца огромная масса семинаристовъ взрослыхъ, съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ мальчики, ожидаютъ, что скажетъ имъ депутація. Старшіе, ставши на крыльцѣ, громогласно объявляютъ, чтобъ всѣ въ порядкѣ, по классамъ, немедленно отправлялись на архіерейскій дворъ—просить рекреаціи у Владыки, и за тѣмъ въ два часа по полудни собирались на дворъ семинарскій и уже оттуда отправлялись въ Марьину рощу. Едва услышатъ эту радостную вѣсть, всѣ съ крикомъ и гамомъ бросятся въ свои классы забрать тетради и книги и, устроясь на дворѣ по классамъ, чинно отправляются на архіерейскій дворъ. Младшіе на дворѣ архіерейскомъ занимали мѣсто впереди противу двухъ оконъ пріемной, въ одномъ изъ которыхъ долженъ явиться Владыка; каждый классъ своей группой размѣщался позади младшаго, такъ что богословы становились въ самомъ концѣ этой длинной вереницы, близь крыльца ректорскихъ келлій, — и всѣ съ обнаженными головами. Водворяется полное молчаніе. Близь воротъ двора собирается огромная толпа стороннихъ зрителей. Инспекторъ семинаріи выйдетъ изъ своихъ келлій, помѣщавшихся въ одномъ домѣ съ ректорскими, и проходя въ домъ ко Владыкѣ мимо стоявшихъ семинаристовъ для доклада о приходѣ ихъ, тихо говоритъ имъ, чтобъ всѣ стояли стройно и смирно. Изъ двухъ завѣтныхъ оконъ пріемной Владыки, на которыя устремле-

ны глаза всѣхъ воспитанниковъ, одно растворяется рукою лакея. Богословы, зная, что Владыка тужъ минуту подойдетъ къ окну, медленно и тихо начинаютъ пѣть: salutamus. Владыка дѣйствительно подходитъ къ окну и смотритъ на воспитанниковъ. Богословы, подымая тономъ выше, начинаютъ: Illustrissime, а мальчики подхватываютъ: Archipraesul, recreationem humillime rogamus. Архипастырь улыбается и привѣтливо глядитъ на поющихъ. Тѣ, возвышая еще тонъ, продолжаютъ ту же просьбу нѣсколько разъ—чѣмъ дальше, тѣмъ учащеннѣе и выше. Наконецъ Владыка благословляетъ пѣвцовъ обѣими руками; пѣвцы самымъ возвышеннымъ тономъ, на весь Владиміръ, отвѣчаютъ: gratias agimus,—и отвѣсивъ поклонъ мигомъ оборачиваются лицомъ къ келліямъ ректора. Ректоръ окна не открываетъ, но медленно проходитъ мимо оконъ по своей залѣ; ученики, примѣтивъ его шествіе, тихо поютъ: salutamus, и потомъ громче: gratias agimus.

По окончаніи этихъ поздравленій, прошеній и благодареній, воспитанники до полудня расходились по квартирамъ. Въ первомъ часу за полдень начинали собираться на семинарскій дворъ, одѣвшись по праздничному. Мальчики устраивали игры въ козлы; старшіе, сидя подъ тѣнію вязовъ, распѣвали пѣсни. Въ третьемъ часу всѣ отправлялись къ Марьиной рощѣ. Мальчики, разсыпавшись по рощѣ, собирали ландыши и вязали ихъ въ пучки; старшіе группами или купались въ рѣчкѣ за рощею, или прохаживались вдоль рощи по лужайкѣ. Въ четыре часа являлись съ лотками грушники, блинщики, пышечники, продавцы кваса со льдомъ и мороженаго. Въ пять часовъ пріѣзжали и приходили наставники училищъ и семинаріи, и являлся на своихъ вороныхъ ректоръ. Вся семинарія сгруппировывалась на обширной луговинѣ возлѣ рощи. Мальчики, поднесши ректору и наставникамъ пучки ландышей, сами въ разсыпную предавались разнымъ играмъ:

одни вдоль дороги играли въ козлы, другіе на луговинѣ въ горѣлки, старшіе въ лапту мячемъ; любители пѣнія составляли хороводы, съ представленіемъ дѣйствія по содержанію пѣсни. Любимыми пѣснями въ хороводахъ были: «какъ по морю, морю синему; какъ изъ улицы въ конецъ; какъ не бѣлъ горючъ камень разгорается; какъ по рѣчкѣ, по рѣчкѣ, по быстрой рѣкѣ; какъ подъ наши ворота разстилалася трава». Ректоръ и наставники играли въ маршалки. Въ антрактахъ между игрою экономъ семинаріи угощалъ начальствующихъ апельсинами, лимонадомъ, конфектами и чаемъ. Семинаристы—музыканты на скрипкахъ, кларнетахъ и флейтахъ составляли особыя кружки и вмѣстѣ съ семинарскимъ хоромъ отхватывали веселыя пѣсни. Ректоръ, для потѣхи себя и угощенія мальчиковъ, откупалъ у продавцевъ цѣлые лотки грушъ и дуль и приказывалъ ребятамъ брать ихъ съ бою. Сотня мальчиковъ нападала стремглавъ на грушника, подминала его и лотокъ подъ себя; грушу не столько хватали, сколько раздавливали; валились другъ на друга, желая захватить груши, куча шевелившихся выростала все выше и выше; ректоръ улыбался, и мальчикамъ было весело. Иногда экономъ привозилъ телѣгу, наполненную кульками съ дешевой бакалеей. Всѣхъ насъ ставили рядомъ въ четвероугольникъ, и экономъ съ кѣмъ либо изъ учителей обходилъ квадратъ нашъ и каждому давалъ по полной пригоршнѣ орѣховъ, или пряниковъ. Ректоръ, нагулявшись и наигравшись въ маршалки (а играть былъ мастеръ), подходилъ къ хороводамъ послушать стройнаго пѣнія простонародныхъ пѣсенъ, или подзывалъ къ себѣ музыкантовъ и пѣвчихъ, приглашая пѣть, не стѣсняясь и, довольный музыкою, бросалъ обѣими руками въ толпу апельсины, которые ловко на лету подхватывались пѣвчими. Нерѣдко посѣщалъ наши рекреаціонныя гулянья и самъ преосвященный Парѳеній, въ сопровожденіи губернатора, графа Апраксина,

прокурора, предсѣдателя уголовной палаты и другихъ, близко ему знакомыхъ лицъ. Гулянье отъ присутствія Владыки нисколько не измѣнялось въ своемъ характерѣ, также было непринужденно и разнообразно; а раздача лакомствъ въ присутствіи Владыки усугублялась по милости его и губернатора. Сопровождаемый большою свитою, Архипастырь часа два гулялъ среди насъ, любуясь на ловкость играющихъ въ горѣлки, на высокій полетъ мяча отъ удара лаптой, или слушая съ удовольствіемъ нашихъ самоучекъ—музыкантовъ, игравшихъ любимую его канту: красны какъ пришли девечки, я гулялъ въ лугу весной. Случалось и такъ, что когда преосвященному подадутъ карету для возвращенія въ городъ и онъ готовъ уже въ нее садиться, мальчики, наученные старшими, окружатъ его со всѣхъ сторонъ, недопуская до кареты и лихо два-три раза пропоютъ: illustrissime Archipraesul, recreationem humillime rogamus. Владыка смѣется, гладитъ по головамъ мальчиковъ и наконецъ, побѣжденный неотступными просьбами, благословляетъ, приговаривая: гуляйте, гуляйте и завтра. Лишъ только скажетъ это Владыка, тотчасъ всѣ, и старшіе и младшіе, прокричатъ: «gratias agimus» на всю окрестность. Карета скрывалась; начальство наше гуляло съ нами еще часъ и также уѣзжало; оставались лишь нѣкоторые наставники и при наступленіи сумерекъ, вмѣстѣ съ нами, отправлялись обратно въ городъ. Въ разбивку возвращаться было воспрещено; шли всѣ вмѣстѣ, какъ пѣхотинцы колонной. Впереди открывалъ шествіе учитель училища З. и звонко запѣвалъ пѣсню: сивобокая свинья на дубу гнѣздо свила; колонна подхватывала дружно: «трай, трай, трай» и учащеннѣе: «трай, трай, трай, трай, трай!» По ясной зарѣ этотъ припѣвъ тысячи молодыхъ голосовъ разносился верстъ на пять кругомъ. Кончали эту пѣсню, начинали другую, третью и т. д. Двѣ версты съ пѣснями дѣлали возвратъ

незамѣтнымъ. Когда приближались къ городу, пѣніе смолкало; подъ надзоромъ церковныхъ старшихъ воспитанники мирно расходились по квартирамъ и пріятно засыпали.—Вотъ слабый очеркъ нашихъ майскихъ гуляній! Той полной радости, того одушевлявшаго насъ веселія, той патріархальной простоты, которая такъ рѣзко выступала въ сношеніяхъ учениковъ и учителей на общемъ нашемъ гуляньи, передать нельзя. Эта простота, эта искренность для современныхъ людей можетъ казаться странной; но мы были довольны и счастливы своей судьбою. Гулянья рекреаціонныя не ограничивались впрочемъ одной Марьиной рощей: изрѣдка мѣстомъ для рекреацій назначались такъ называемыя Дубники за рѣкою Рпѣнью, а иногда ограничивались однимъ семинарскимъ дворомъ. Но рекреаціи на этихъ мѣстахъ далеко не имѣли того веселаго характера и того обаянія, какъ рекреаціи въ Марьиной рощѣ. Въ Дубникахъ впрочемъ была роскошь для купанья, потому что ихъ окаймляли Клязьма и Рпѣнь; за то не было тамъ тѣни, не было той пространной и гладкой луговины, на которой безъ стѣсненія могла бы размѣщаться вся семинарія и съ училищами. Тѣмъ болѣе семинарскій дворъ, какъ внутри города, не давалъ простора играмъ и пѣнію; тутъ неумѣстно было пѣть про сивобокую свинью; тутъ негдѣ было разгуляться съ мячемъ. Въ Дубники и на семинарскій дворъ рѣдко даже жаловало и начальство; на этихъ мѣстахъ преимущество въ удовольствіяхъ отдавалось скромному пѣнію и музыкѣ. Музыкантовъ въ наше время было довольно; прекрасно играли на скрипкахъ и кларнетахъ. Гусли составляли особенно любимый музыкальный инструментъ; даже инспекторъ не преслѣдовалъ игры на немъ. Два воспитанника, Казанскій и Спасокукотскій, славились искуствомъ игры на гусляхъ.

Треть отъ пасхи до лѣтнихъ каникулъ была самая трудная для воспитанниковъ; рекреаціи составляли оазисъ

среди этого труднаго поприща. Повторенія пройденнаго въ теченіе двухъ лѣтъ, переводные экзамены всегда болѣе или менѣе строгіе,—много озабочивали учениковъ даже мало заботливыхъ. Но насъ, учениковъ философіи, страшили не столько эти усиленныя занятія, эти строгіе экзамены, къ которымъ мы уже нѣсколько привыкли,—насъ страшила неизвѣстность, кто будетъ ректоромъ семинаріи послѣ Павла и наставникомъ въ богословскомъ классѣ, куда мы готовились перейти. Съ переводомъ отъ насъ Павла, къ которому такъ привыкли, котораго такъ много любили, мы тяготились неизвѣстностью относительно преемника его даже и послѣ экзамена и перевода. Къ концу каникулъ распространилась по селамъ вѣсть, что на мѣсто Павла назначенъ изъ Архангельска архимандритъ Неофитъ, человѣкъ энергичный и строгій. Собрались мы послѣ каникулъ невеселые: слухи о строгостяхъ новаго начальника и наставника росли и росли. Молебенъ предъ началомъ ученія торжественно и соборно отправленный ректоромъ въ Богородицкой церкви, кончился; за тѣснотою въ церкви, новаго ректора мы не успѣли еще видѣть. Изъ церкви съ трепетнымъ ожиданіемъ вступили въ новую для насъ классную залу и размѣстились за столами. Къ намъ, своимъ будущимъ слушателямъ, взошелъ прежде всѣхъ Неофитъ, въ сопровожденіи новаго ректора училищъ, магистра Остроумова. По обыкновенію пропѣли: salutamus. Неофитъ небольшаго роста, худощавый, нѣсколько рябоватый, съ длиннымъ острымъ носомъ, улыбаясь, посмотрѣлъ на насъ внимательно, обошелъ вдоль столовъ нѣсколько разъ, остановился у каѳедры и сказалъ: сегодня, послѣ молитвы, можете идти на квартиры и къ завтрашнему классу приготовьте на бумагѣ отвѣтъ на вопросъ: «изучивши философію, нужно ли изучать богословіе и почему»,—улыбаясь, ласково поклонился намъ, и съ Остроумовымъ вышелъ изъ нашего

класса для посѣщенія прочихъ. Мы, повѣся головы, разбрелись по квартирамъ,—и ну думать и додумываться: нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, изучивши философію, изучать еще богословіе? Смѣтливые поняли, что коль скоро начальство перевело ихъ въ богословское отдѣленіе, стало быть, учиться богословію надо; а почему?—этотъ вопросъ большею частію игнорировали. Несмѣтливые рѣшили, что послѣ философіи можно и не учиться богословію, тѣмъ болѣе, что имъ неизвѣстно, о чемъ оно трактовать будетъ. На другой день Неофитъ собралъ отвѣты, пробѣжалъ, иные возвратилъ молча, нѣкоторые нашелъ не содержавшими отвѣта, а другіе похвалилъ и прочиталъ въ слухъ. Покончивши съ сими занятіями, развернулъ принесенную имъ тетрадь и, изрѣдка заглядывая въ нее, началъ знакомить насъ съ понятіемъ о богословіи, его содержаніи, раздѣленіи, пользѣ и необходимости. Мы жадно ловили каждое слово. Рѣчь наставника была тихая, медленная, основательная и ясная; изъ нея мы увидѣли и пользу и необходимость изученія богословія послѣ философіи; теперь бы легко было написать отвѣтъ на заданный вчера вопросъ, да было уже поздно. Два раза повторилъ ректоръ свою первую лекцію, и она крѣпко засѣла въ нашей памяти. Отнявъ отъ тетради нѣсколько полулистовъ, онъ оставилъ ихъ намъ, чтобъ каждый списалъ для себя. Смотримъ: лекціи изложены на латинскомъ языкѣ. Инымъ пришлась эта латынь очень не по вкусу. Въ такомъ порядкѣ стали продолжаться и слѣдовавшія лекціи. Кто усвоилъ хорошо латинскій языкъ, тому онѣ составляли лишь трудъ переписки: изложеніе было такъ вразумительно и доступно, а повтореніе изложеннаго такъ облегчало память, что двухъ разъ достаточно было внимательно прочитать лекцію вечеромъ, и она долго удерживалась въ памяти. Отвѣты заданной лекціи ректоръ требовалъ полатыни, хотя не съ буквальною точностію; плохо знавшимъ ла-

тынь приходилось плохо: надо было сперва перевесть лекцію на русскій языкъ, иначе она становилась для нихъ непонятной,—и потомъ уже учить латынь. Слухи о строгостяхъ Неофита стали сами собою рѣдѣть и слабѣть. Всегда ровный, ласковый, скромный даже въ замѣчаніяхъ и выговорахъ, Неофитъ съ каждымъ днемъ привязывалъ насъ къ себѣ.—Въ каждый классъ выдана была отъ него тетрадь, въ которую старшій по классу обязанъ былъ вносить вѣрную отмѣтку о времени прихода и ухода каждаго наставника, и эта тетрадь должна была лежать на столѣ наставника въ теченіе всего класса, а по окончаніи классовъ старшіе передавали ее старшему по семинаріи для ежедневнаго просмотра ректоромъ, который собственно ручно на этихъ тетрадяхъ дѣлалъ свои замѣчанія по случаю поздняго прихода или ранняго ухода наставника; эти замѣчанія неизбѣжно прочитывались на другой день и классомъ и тѣмъ, кого онѣ касались. Понятно намъ стало, что строгость Неофита направлена была не столько противъ насъ, сколько къ наставникамъ, изъ которыхъ многіе злоупотребляли добротою бывшаго предъ симъ ректора и не надлежащимъ образомъ относились къ своимъ обязанностямъ. Наставники также скоро поняли, что вѣтеръ для нихъ перемѣнился: къ условному звонку стали внимательнѣе, и безъ приготовленій въ классъ начали являться рѣже, потому что ректоръ каждый почти день, покончивъ у насъ, посѣщалъ то тотъ, то другой классъ, садился тамъ съ учениками въ видѣ слушателя, — и наставникамъ надо было держать ухо востро.

Выше было сказано, что мы, кромѣ записокъ профессора, ничего не знали и знать не могли, потому что книгъ у насъ, кромѣ учебниковъ по второстепеннымъ предметамъ, никакихъ не было и взять было негдѣ. Охотники списывали, одинъ у другаго, объемистые трак-

таты, напримѣръ послѣдніе дни земной жизни Спасителя, соч. Иннокентія. О классныхъ библіотекахъ не было и понятій; семинарская библіотека существовала не для насъ: изъ нея пользовались исключительно одни наставники наши. Журналовъ и газетъ мы не видывали; слыхали только, что есть журналъ «Христіанское Чтеніе». Въ этомъ отношеніи семинарія представляла жалкое заведеніе: хотѣлось бы читать, но читать совершенно нечего. Какъ же мы удивились и какъ обрадовались, когда по приказанію ректора, въ одно прекрасное для насъ утро, принесли въ классъ толстый каталогъ семинарской библіотеки, и каждому ученику дозволено было выбирать изъ каталога любую книгу для пользованія въ теченіе учебной трети. Насъ было около сотни учениковъ, да во второмъ богословскомъ отдѣленіи столько же, — и мы около двухъ сотъ книгъ заразъ получили на другой день изъ библіотеки, съ правомъ брать на обмѣнъ книги — одинъ у другаго. Этотъ день былъ для насъ отраднѣйшимъ праздникомъ; тутъ-то мы вполнѣ поняли, какъ добръ былъ къ намъ о. ректоръ, какъ ложны были распущенные о немъ слухи. Правда, книгъ новыхъ къ намъ не попало; намъ принесли каталогъ старинныхъ изданій, но изданій, такъ сказать, богослово-классическихъ: это были творенія св. Отцевъ, богословскія сочиненія западныхъ ученыхъ, книги философскія и историческія, большею частію на латинскомъ, а частію на русскомъ языкѣ. Съ какою жадностію мы бросились читать эти книги, сколько сдѣлали изъ нихъ для себя выписокъ полезныхъ и нужныхъ по богословію! Усвояя лекцію, прочитанную въ классѣ наставникомъ, отыщемъ на квартирѣ трактатъ объ этой лекціи у западнаго богослова, прочитаемъ оный внимательно: умственный горизонтъ ученика расширится, понятія его просвѣтлѣютъ, онъ овладѣлъ сокровищемъ извѣстной истины, выработаннымъ прежде великими умами; онъ узналъ многое ка-

сательно этой истины, умолчанное наставникомъ; ему пріятно высказать все это на другой день наставнику при спросѣ урока; а послѣднему пріятнѣе видѣть и слышать, что ученикъ не довольствуется усвоеніемъ слышаннаго отъ него, а слѣдитъ за предметами, изложенными въ записках, по другимъ, болѣе пространнымъ источникамъ. Неофитъ улыбался, слушая свой урокъ, дополненный изъ другихъ источниковъ, указывалъ писателя, откуда взято дополненіе, хвалилъ прилѣжнаго ученика и совѣтовалъ такъ дѣлать и на будущее время. Болѣе даровитыхъ и прилѣжныхъ онъ скоро примѣтилъ, распрашивалъ ихъ при каждомъ случаѣ, чѣмъ они на квартирахъ занимаются, что преимущественно читаютъ; предостерегалъ отъ чтенія безполезныхъ, или туманныхъ книгъ; давалъ наставленія, какъ пользоваться сочиненіями западныхъ богослововъ, и требовалъ даже отъ нѣкоторыхъ, чтобъ они, дѣлая выписки изъ книгъ, показывали ему оныя, или излагали на бумагѣ критическій отчетъ о прочитанномъ. Записнымъ охотникамъ чтенія (а онъ хорошо зналъ такихъ), давалъ свои новыя книги, какъ то: опыты воспитанниковъ духовныхъ Академій, сочиненія Филарета и Христіанское Чтеніе. Жаль, что холера, распространившаяся по Россіи и пробравшаяся въ нѣкоторые уѣзды Владимірской губерніи, вынудила распустить семинаристовъ къ родителямъ въ началѣ трети. Два учебные мѣсяца пробыли мы у своихъ родныхъ. Конечно, и это время заботливые ученики не провели въ праздности, — запаслись библіотечными книгами и читали. Холера миновалась, насъ созвали,—и мы усиленно принялись за продолженіе введенія въ богословіе и изученіе герменевтики по печатному руководству. Съ ней покончили скоро, и снова пошли въ ходъ записки о догматическомъ и нравственномъ богословіи. Догматика сильно интересовала насъ: мы усугубили чтеніе источниковъ; искали возраженій и

сами же силились опровергать оныя; а что было не подъ силу, просили разъясненія и разрѣшенія у своего наставника. Между лекціями ректоръ давалъ намъ темы для письменныхъ разсужденій, тексты и притчи для объясненія. Лучшія письменныя задачи, прочитавши на дому, выносилъ въ классъ и читалъ ихъ во всеуслышаніе, одобряя особенно удачныя мѣста и замѣчая недостатки. Жутко становилось при этомъ автору задачи, хотя всякому желалось, чтобъ палъ жребій на него, потому что Неофитъ, если читалъ, то читалъ лучшую (неудовлетворительныя онъ раздавалъ молча; собственноручная аттестація наставника подъ задачей показывала каждому ея достоинства),—жутко становилось потому, что онъ въ рѣдкой задачѣ не находилъ съ достоинствами и недостатковъ. На второмъ году среди богословскихъ лекцій ректоръ вставилъ нѣсколько чтеній о составленіи проповѣдей, о методѣ ихъ изложенія, объ источникахъ проповѣди и о способахъ сказыванія. Онъ любилъ въ проповѣди краснорѣчіе, патетизмъ, и самъ былъ хорошій мастеръ говорить. Разсужденія и изъясненія текстовъ замѣнились составленіемъ проповѣдей; лучшія изъ проповѣдей Неофитъ также прочитывалъ въ классѣ,—прочитывалъ, можно сказать, художественно, такъ что самъ сочинитель нескоро догадывался, что читалась его проповѣдь. На послѣднемъ курсѣ, послѣ нравственнаго богословія, въ сжатомъ видѣ на русскомъ языкѣ преподавалось богословіе обличительное и литургика. Проповѣди писались или по собственному выбору предмета каждымъ ученикомъ, или по назначенію ректора каждому ученику особо; общихъ темъ для проповѣдей не было.

А вотъ темы Неофита для разсужденій, размышленій и изъясненій:

1) Должно ли принимать разумъ за начало познанія истинъ богословскихъ?

2) О необходимости таинствъ.

3) Размышленіе на слова: *блаженъ еси Симоне варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ.*

4) Изъясненіе притчи: о лукавомъ приставникѣ.

5) Изъясненіе псалма: на рѣкахъ Вавилонскихъ.

6) Изъясненіе текстовъ: *нынѣ радуюся во страданіяхъ моихъ,* [illegible]

7) *иже аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю* и пр.,

8) *всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ,*

9) *Сынъ человѣческій пришедъ убо обрящетъ ли вѣру на земли,*

10) *не мните, яко пріидохъ воврещи миръ на землю* и пр.

11) Utrum prouidentia diuina ac speciatim gubernatio tollit libertatem humanam?

12) In quo consistit usus religionis naturalis?

13) Sine fide salus obtineri non potest.

Для поощренія учениковъ всѣхъ отдѣленій семинаріи къ лучшимъ сочиненіямъ, Неофитъ установилъ такъ называемыя собранія. Въ назначенное ректоромъ время собирались въ нашъ классъ, какъ самый просторный, воспитанники всѣхъ отдѣленій и ихъ наставники. Ученики, у которыхъ письменныя задачи, въ теченіе извѣстнаго періода времени, оказывались отличными по содержанію и изложенію, поочередно одинъ за другимъ восходили на каѳедру и читали предъ собраніемъ свои произведенія. Поощряя учениковъ къ труду сочинительскому дозволеніемъ публично съ каѳедры читать свои произведенія, ректоръ этою мѣрой и въ самыхъ наставникахъ возбуждалъ вниманіе къ ученическимъ письменнымъ задачамъ: тому наставнику становилось неловко, у котораго не оказывалось ни одной по всему его классу задачи, удостоенной публичнаго прочтенія. Ученики же, читавшіе предъ собраніемъ свои произведенія, становились извѣстными все-

му семинарскому міру; стяжавши такую славу, они отъ восторга не чуяли конечно подъ собой земли.

Въ послѣдней учебной трети Правленіе семинаріи ходатайствовало у Владыки о посвященіи въ стихарь лучшихъ учениковъ обоихъ высшихъ отдѣленій: ходатайство было принято, и за каждою своею службою Владыка посвящалъ въ стихарь три — пять учениковъ. Когда икона Боголюбивой Богоматери приносилась во Владиміръ и обходила каждодневно приходскія церкви, посвященные въ стихарь ученики обязаны были за литургіей въ каждой церкви говорить свои проповѣди, одинъ за другимъ по очередно, по назначенію ректора. И эта мѣра также не была безплодна: пріучая ученика къ произношенію проповѣди, она служила ему и наградой за трудъ проповѣди. Посвященные, съ благословѣнія ректора, имѣли право говорить свои проповѣди и во время каникулъ въ церквахъ, при которыхъ служили ихъ родители.

Вообще, справедливость требуетъ сказать, что съ ректорствомъ Неофита многое дурное, усвоенное до него, брошено: нощиха изчезла, кулачный бой прекращенъ; ученикамъ едва ставало времени для занятій по лекціямъ и письменнымъ задачамъ, — нѣкогда было думать о гуляньяхъ и выпивкахъ; наставники встрепенулись, аккуратно посѣщали классы и въ классахъ ревностнѣе занимались дѣломъ; инспекторъ, и прежде дѣятельный въ наблюденіи за порядкомъ на ученическихъ квартирахъ, получилъ облегченіе по должности: старшіе по семинаріи, руководимые его совѣтами и наставленіями ректора, усердно исполняли свою обязанность по надзору за учениками, а въ нерѣдкихъ случаяхъ и за наставниками. Экономъ семинаріи сталъ внимательнѣе ремонтировать домъ, чище содержать его, теплѣе топить, своевременнѣе раздавать бѣднымъ ученикамъ жалованье—и каждому особо, а не группамъ сторублевыми, для размѣна которыхъ прежде при-

ходилось платить въ лавки порядочный процентъ. Жаль было рекреацій; но за то сумма, расходованная экономомъ на угощеніе начальства, шла на болѣе полезное употребленіе. А свободный доступъ къ семинарской библіотекѣ столько послужилъ для умственнаго развитія учениковъ, что и высказать невозможно.—Заведенное Неофитомъ преемники его не могли уже прекратить, потому что заведенное крѣпко привилось, скоро оказало добрые результаты, взошло въ жизнь семинаріи: ломать хорошее никто не рѣшался. И все это сдѣлалось какъ-то само собой, безъ крутой ломки, безъ вспышекъ и крика: такъ былъ мудръ и на своемъ мѣстѣ незабвенный нашъ Неофитъ. Хорошо намъ казалось старое, покуда не испытали новаго, много разъ лучшаго; а испытавши, на старину безъ сожалѣнія махнули рукой.

Библейскую и церковную исторію и еврейскій языкъ преподавалъ у насъ профессоръ. о. Михаилъ Ивановичъ П. Человѣкъ онъ былъ мягкій, кроткій, а подъ часъ и слабый; по исторіи въ объясненія не пускался, держался крѣпко за учебники Филарета и Иннокентія; весь методъ его преподаванія состоялъ въ томъ, что прослушавши заданный урокъ, задавалъ къ слѣдующему два—три листика. Потому ли, что не близко онъ жилъ отъ семинарскаго дома, или почему другому, онъ какъ-то часто опаздывалъ къ своему классу, и на журналѣ классическомъ на другой день не рѣдко прочитывалъ непріятныя для себя нотаціи ректора; къ счастію, душа его была невозмутима: спокойно поглядитъ на нотацію,—на лицѣ не выразится ни малѣйшей перемѣны, въ голосѣ таже тишина, будто дѣло не его касалось. Еврейскій языкъ, преподаваемый въ послѣ-обѣденный классъ, шелъ не лучше исторіи; переводили на русскій языкъ съ еврейскаго первыя главы Бытія, съ подробнымъ грамматическимъ разборомъ; кто имѣлъ охоту, занимался больше самъ. Къ концу курса о. П. утратилъ и малую

дозу вниманія къ своей обязанности, такъ что составленіе списка учениковъ по еврейскому языку для экзамена ректоръ поручилъ старшему по семинаріи, помимо наставника. На слѣдовавшемъ курсѣ, помнится, о. П. уже не стало.

Греческій языкъ преподавалъ намъ профессоръ Владиміръ Петровичъ Ц. отлично знавшій этотъ предметъ. Сухощавый, нескладный, всегда серьезный, онъ слылъ въ средѣ наставниковъ дорогимъ умницей; его проповѣди преосвященный Парѳеній трактовалъ, какъ умнѣйшія изъ всѣхъ. Какъ преподаватель, онъ ревностенъ былъ къ своей обязанности, и, хотя греческій языкъ не имѣлъ видимаго значенія, на него смотрѣли вскользь, но, уважая глубоко наставника, мы по возможности занимались этимъ предметомъ.

Вотъ весь персоналъ непосредственныхъ нашихъ наставниковъ и начальниковъ по училищамъ и семинаріи! Я не упомянулъ о нѣкоторыхъ, потому что не былъ ихъ непосредственнымъ ученикомъ и зналъ ихъ меньше, чѣмъ своихъ. Пусть объ нихъ скажутъ доброе слово тѣ, коимъ они преподавали.

На первогодичный экзаменъ пожаловалъ въ нашъ классъ преосвященный Парѳеній. Ученики собраны были изъ обоихъ отдѣленій. Веселый, улыбающійся, Владыка съ удовольствіемъ выслушивалъ отвѣты учениковъ на вопросы ректора и инспектора, дѣлалъ часто возраженія и, когда отвѣчавшій заминался, обращался за отвѣтомъ къ другому, третьему, вызывалъ даже охотниковъ отвѣчать; если отвѣтъ былъ удаченъ, Парѳеній приговаривалъ: «молодецъ, умникъ!» Рѣчь зашла о божественности христіанской религіи; ученики читали согласно выданнымъ запискамъ, читали, повидимому, хорошо,—но Парѳенію показались доказательства божественности христіанства недостаточными: онъ началъ говорить о быстромъ, повсемѣстномъ распро-

страненіи христіанства, не сулившаго никакихъ матеріальныхъ выгодъ въ настоящей жизни, а напротивъ лишавшаго многихъ удовольствій и наслажденій, и о тѣхъ преградахъ, какія ставило христіанству язычество, іудейство и философія,—говорилъ болѣе часа, говорилъ такъ сильно и одушевленно, что мы и наставники наши слушали съ наслажденіемъ. «Вотъ, ребята, самое сильное, очевидное доказательство божественности христіанской вѣры,» закончилъ Владыка. Довольный нашими успѣхами, довольный ректоромъ и инспекторомъ, какъ преподавателями богословія, Владыка оставилъ насъ еще болѣе довольными, что мы доставили удовольствіе своими отвѣтами любимѣйшему нашему архипастырю.

Приблизились окончательные экзамены. Сообщено было отъ Московской д. академіи, что назначенъ для ревизіи нашей семинаріи архимандритъ Платонъ. Начались усиленныя репетиціи; наставники раньше пригласительнаго звонка являлись въ классъ и дольше выходнаго звонка оставались въ классѣ. Платонъ пожаловалъ во Владиміръ. Утромъ на другой день нашему отдѣленію дано было знать, что ревизоръ будетъ у насъ. Сильно робѣли мы въ ожиданіи ревизора. Ревизоръ пріѣхалъ съ ректоромъ и, вмѣсто устнаго экзамена, далъ намъ тему для письменнаго разсужденія, которое обязаны были написать къ слѣдующему утру. Тема дана была слѣдующая: существованіе первороднаго грѣха не противорѣчитъ ли правосудію божественному? Въ слѣдовавшій день ревизоръ производилъ устные экзамены въ нашемъ отдѣленіи, и утромъ и послѣ обѣда. Вызванные на средину противу стола, за которымъ сидѣлъ ревизоръ, и съ правой стороны ректоръ, три первые ученика, на вопросъ ректора стали отвѣчать на латинскомъ языкѣ по запискамъ. Ревизоръ долгонько послушалъ и началъ возражать порусски; ученики, какъ смогли, отвѣчали на возраженія полатыни; ревизору этого не хотѣлось,—заставилъ

давать отвѣты порусски. Возраженія не были сильны,— съ ними первая тройка сладила. Предметомъ возраженій было—состояніе, въ какомъ находился первый человѣкъ въ раю т. е. былъ ли созданъ совершеннымъ, или постепенно развивался и совершенствовался. При отвѣтахъ прочихъ учениковъ экзаменъ уже не возвращался къ латинскому языку: и вопросы и отвѣты на возраженія происходили порусски. Богословскій экзаменъ сдали удовлетворительно. Послѣ обѣда часть времени удѣлена была священному писанію, а часть—самая малая—исторіи и языкамъ. Тѣмъ вся ревизія по нашему отдѣленію и кончилась.

По выѣздѣ ревизора изъ Владиміра, начальство наше не сочло нужнымъ возобновлять экзамены въ болѣе дробномъ видѣ, хотя времени до отпуска еще оставалось. Ревизоръ не спросилъ и половины учениковъ: неспрошенные имъ такъ и остались безъ экзамена; да въ немъ не было и нужды, потому что и ректоръ и инспекторъ знали своихъ учениковъ очень хорошо.—

Оставалось покончить съ публичнымъ экзаменомъ, который всегда бывалъ наканунѣ или въ самый день роспуска. Къ публичнымъ экзаменамъ готовились два-три дня. Мальчиковъ изъ училищъ посылали въ лѣсъ за кленовыми и дубовыми листьями и въ луга за цвѣтами. И листьевъ и разныхъ цвѣтовъ наносили въ нашъ классъ огромный ворохъ. Изъ среды семинаристовъ избирались декораторы, умѣющіе рисовать. Подъ ихъ руководствомъ кругомъ оконъ зала, каѳедра, колонны, поддерживавшія хоры, и балюстрадъ хоръ переплетались листьями клена и дуба, а въ окнахъ изъ этихъ же листьевъ вѣшались гирлянды. На полу предъ каѳедрой декораторы чертили мѣломъ изображеніе ковра съ замысловатою каймою, а въ срединѣ его рисовали храмъ премудрости, надъ нимъ парящаго орла съ головою, обращенною къ верьху, откуда ниспадало сіяніе въ лучахъ,— или вмѣсто храма вензель епископа Парѳенія. По мѣловому

рисунку мальчики выкладывали цвѣтами, разсчипывая ихъ, гдѣ нужно, на самомалѣйшіе кусочки; тѣни въ цвѣтахъ, по множеству и разнообразію ихъ, подбирались изящно, такъ что коверъ выходилъ—заглядѣнье. Изъ ректорскихъ комнатъ привозили столъ, кресла и стулья, разставляли ихъ съ трехъ сторонъ ковра; на стѣны вѣшались гдѣ-то хранившіеся три портрета: Екатерины II, Александра I и Николая I; за столѣ полагались книги въ подарки отличнымъ ученикамъ, съ ректорскою надписью на каждой. Избраннымъ ученикамъ всѣхъ трехъ отдѣленій раздавались стагейки по главнымъ предметамъ для твердаго изученія; однимъ ученикомъ готовилась краткая привѣтственная рѣчь, другимъ—благодарственная; группа-же учениковъ, состоявшая изъ пяти-шести лицъ, разучивали разговоръ въ стихахъ, написанный кѣмъ либо изъ способнѣйшихъ стихотворцевъ и выправленный начальствомъ. Семинарское правленіе разсылало приглашенія любителямъ духовнаго просвѣщенія. Наступалъ часъ экзамена. Два хора пѣвчихъ, архіерейскій и семинарскій, занимали помѣщеніе у сѣверной стѣны выше оконъ; ученики, надѣвши праздничную одежду, которая къ концу нашего курса, вмѣсто разно-цвѣтной нанки, строилась преимущественно изъ темнаго сукна, становились сплошной массой по обѣ стороны каѳедры и за стульями посѣтителей; собиралось все наше профессорство и учительство, съ ректоромъ во главѣ; посѣтители—преимущественно протоіереи и священники города Владиміра, совѣтники и предсѣдатели палатъ, директоръ и инспекторъ гимназіи, прокуроръ, губернаторъ и иногда военные генералы. Всѣ эти посѣтители размѣщались вокругъ стола, любуясь на коверъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Подъѣзжала наконецъ карета Владыки. Архипастырь, одѣтый въ парадную рясу, со всѣми кавалеріями на груди, встрѣченный нашимъ начальствомъ на крыльцѣ, торжественно вступалъ въ залъ; пѣвчіе пѣли: Царю небесный; Архипастырь бла-

гословивъ присутствовавшихъ, садился на главное кресло, между губернаторомъ и генералами. Ученикъ съ каѳедры говорилъ привѣтственную рѣчь. За тѣмъ начинался экзаменъ по богословскимъ предметамъ. Ректоръ вызывалъ фамилію ученика; ученикъ выходилъ изъ толпы товарищей и становился у каѳедры, съ краю ковра. Ректоръ задавалъ ему вопросы; ученикъ отвѣчалъ бойко и твердо; за первымъ вызывались — другой, третій, покуда прочитаютъ весь назначенный къ экзамену трактатъ; изъ церковной исторіи—таже исторія; языки на экзаменъ не допускались; дѣлать возраженіе на читанное учениками— не было въ обычаѣ. По окончаніи богословскаго экзамена пѣли двухорный концертъ. Потомъ слѣдовалъ экзаменъ философовъ тѣмъ же порядкомъ: математическихъ задачъ не готовилось, а читались статейки изъ физики. За философскимъ экзаменомъ залъ еще оглашался концертомъ, по окончаніи котораго экзаменовались ритористы. За тѣмъ выходили пять — шесть учениковъ, размѣщались по обѣ стороны ковра, лицемъ къ нему, и начинали между собой разговоръ стихами. Предметами разговоровъ были—или польза наукъ, а разговаривавшіе представляли собой богослова, философа, математика, оратора, историка и мирософа,—или выгодность сословій, и въ такомъ случаѣ ведшіе разговоръ олицетворяли въ себѣ духовнаго, чиновника, дворянина, купца, воина и крестьянина. Разговоръ всегда производилъ эффектъ и вызывалъ въ посѣтителяхъ не только улыбку, даже смѣхъ. Потомъ секретарь правленія семинаріи читалъ списки учениковъ всѣхъ трехъ отдѣленій, окончившихъ курсъ въ первомъ разрядѣ съ званіемъ студента; первые три ученика каждаго класса вызывались особо къ столу, и каждый получалъ въ награду изъ рукъ Владыки книгу. По раздачѣ книгъ слѣдовали: двухорное «Тебѣ Бога хвалимъ», или «Слава въ вышнихъ Богу», благодарственная рѣчь, пѣніе «Достойно есть»

благословеніе Архіерея,—экзаменъ публичный оканчивался. При выходѣ Владыки почетные посѣтители экзамена приглашались къ ректору на закуску; у воспитанниковъ же на квартирахъ начинались поздравленія другъ друга съ переводомъ изъ класса въ классъ, а окончившихъ курсъ ученія съ полученіемъ званія студента.

На другой день возвращали мы въ классъ или прямо въ библіотеку розданныя книги. Имѣвшіе продолжать ученіе послѣ каникулъ получали билеты; а мы, окончившіе курсъ, собрались въ послѣдній разъ въ просторную и свѣтлую нашу залу. Пожаловалъ о. ректоръ, объявилъ, чтобъ за аттестатами явились въ правленіе семинаріи по окончаніи каникулъ, напутствовалъ насъ отеческими благожеланіями; душа его была возмущена, голосъ дрожалъ; онъ прощался съ первыми своими воспитанниками нашей семинаріи; онъ два года жилъ съ нами одною, такъ сказать, жизнію, щадилъ насъ въ нашихъ неисправностяхъ, удерживалъ увлеченія молодости, поощрялъ насъ въ занятіяхъ, чѣмъ могъ,—радовался нашимъ успѣхамъ, любовался нами, какъ своими дѣтьми, холилъ и берегъ насъ, былъ доступенъ во всякое время всѣмъ нашимъ нуждамъ,—мы посѣщали его въ его кельяхъ безъ страха, съ довѣріемъ и искренностію. Могла ли не возмущаться любящая душа его, видя насъ собранными вокругъ его въ послѣдній разъ? Со слезами на глазахъ, съ сердечною тугою каждый изъ насъ принялъ отъ него благословеніе. Онъ вышелъ,—и и мы тужъ минуту почувствовали свое сиротство. Покуда учились, учебная жизнь по временамъ тяготила,—минута разлуки съ нею представлялась блаженной; эта минута наступила, — и мы очутились въ какъ-то одиодиночествѣ. Мысль, что послѣ каникулъ намъ уже не будетъ надобности являться въ семинарію для продолженія ученія, что мы уже свободны отъ книжныхъ занятій, за которыми маялись 12 — 14 лѣтъ, что нашей волѣ от-

крыто широкое поприще для избранія труда,—эта мысль, при первой встрѣчѣ съ нею, ложилась гнетомъ на сердце. Простившись съ возлюбленнымъ нашимъ ректоромъ, мы горячо простились другъ съ другомъ, не зная, приведетъ ли Богъ еще видѣться намъ въ здѣшней жизни. Выходя въ послѣдній разъ изъ семинарскаго дома, мы отрывались отъ чего-то роднаго. Тѣ самые залы, въ которыхъ протекла вся наша юность, со всѣми ея страхами, мученіями и изрѣдка радостями, казались намъ милы,—и мы съ грустью выходили изъ нихъ: каждый, по выходѣ изъ дома, окинулъ взглядомъ всю эту знакомѣйшую окрестность, отъ души перекрестился, взирая на храмы Богоматери и преподобнаго Сергія, и со вздохомъ поплелся на квартиру.

Сорокъ два года протекло по окончаніи курса: пора-бы изгладиться впечатлѣніямъ дѣтства и юности, время-бы забыть школьную жизнь; нѣтъ, она глубоко сидитъ въ памяти, представленія о ней носятся въ воображеніи, память о добрыхъ наставникахъ не слабѣетъ. Такъ давно разставшись съ ними, безпристрастнѣе вспоминаешь объ нихъ, правдивѣе цѣнишь ихъ заботу и трудъ о нашемъ воспитаніи и образованіи, прощаешь отъ сердца горечь, испытанную въ школѣ,—и благодарное чувство наполняетъ душу. Всѣ наставники, кромѣ достопочтеннѣйшаго о. Агапита, лежатъ уже въ землѣ: да будетъ благословенна ихъ память! Товарищей разметала жизнь по разнымъ странамъ; съ немногими приходилось встрѣчаться; едва-ли десятая доля остаются въ живыхъ. Земное счастіе улыбнулось немногимъ; большинству достался крестъ тяжкаго труда, нуждъ и терпѣнія. Привѣтъ вамъ, добрые товарищи!

П. С. А.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Рѣчь ученикамъ философіи, произнесенная Инспекторомъ Владимірской семинаріи и профессоромъ философіи, іеромонахомъ Саввою, при отбытіи его въ Петербургъ 17 Сентября 1828 года.

Се уже въ послѣдній разъ слышите гласъ мой; се въ послѣдній разъ бесѣдую съ вами въ родѣ наставника. Милосердіе Всевышняго зоветъ меня къ новому служенію.

Не удивляйтесь сему, для васъ нечаянному и, повидимому, необыкновенному, а для меня давно желаемому измѣненію своего жребія. Времена перемѣняются, а вмѣстѣ съ ними и мы, т. е. наши желанія, стремленія и дѣйствія. Отъ самой колыбели возлюбилъ я иноческое званіе; а промыслъ Божій различными средствами располагалъ меня къ уединенной жизни. Не буду при семъ случаѣ изчислять вамъ всѣхъ милостей, оказываемыхъ мнѣ Господомъ въ продолженіи жизни; не стану указывать на тѣ тайныя и очевидныя знаменія, многократно являемыя благодатію въ обращеніи меня отъ суетнаго сего пути ко спасенію; не дерзну раскрывать предъ вами всѣхъ трудностей и преткновеній на пути къ славѣ человѣческой, которыя мною были всегда преодолѣваемы съ великимъ насиліемъ,—равно всѣхъ болѣзней тѣлесныхъ и озлобленій, причиненныхъ несправедливою местію. Скажу только, что и самая философія, по большей части суетная въ познаніи истины, первоначально затемняла, а потомъ, по недостатку собственнаго свѣта, усиливала во мнѣ чистое желаніе работать единому Господу, узрѣть небесный свѣтъ истины Его и обрѣтать въ Немъ единомъ верховное наше благо, котораго ищутъ и не находятъ философы.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего мы учимся философіи? Конечно, для того, чтобъ познать истины, отъ коихъ зависитъ достоинство и спасеніе человѣка. Познаніе истинъ бываетъ полезно только тогда, когда употребляется на са-

момъ опытѣ, прилагается къ дѣлу, обнаруживается въ жизни и дѣятельности. Слѣдовательно, всѣ философскія свѣдѣнія должны быть направлены къ тому, чтобъ сдѣлаться нравственно добрымъ и счастливымъ человѣкомъ; безъ сего тщетны всѣ наши труды и гибельны познанія. Слѣдовательно, самая философія располагаетъ каждаго изъ насъ къ сильной дѣятельности: такъ всѣ части философіи необходимо полезны и столь тѣсно соединены между собою, что одна безъ другой стоять не можетъ. Но познаніе Существа совершеннѣйшаго или верховной причины всего сущаго есть знаніе самое первое, необходимое и высшее; оно есть какъ свѣтъ и душа всѣхъ наукъ философскихъ. Къ сему-то наипаче свѣту обязались мы стремиться всѣмъ существомъ,—сею душею наипаче всякій изъ насъ долженъ жить и дышать. А чистая нравственность и непорочная жизнь что иное есть, какъ не одно стремленіе — достигнуть нравственнаго совершенства, котораго идея находится только въ Богѣ? — что иное, какъ не стремленіе къ соединенію съ Богомъ? Слѣдовательно, дѣятельность не можетъ быть въ однихъ познаніяхъ; познанія безъ дѣятельности и истины суетны и пагубны, — и слѣдовательно чистая только нравственность приближаетъ насъ къ Богу и соединяетъ съ Нимъ. Откуда само собой открывается, что, по духу самой философіи, должно жить непорочно и цѣломудренно, оставивъ всѣ призраки суетной мірской славы и пагубныхъ удовольствій тѣла; но такая жизнь почти невозможна между сынами вѣка сего. Если такъ учитъ насъ философія; то что можно сказать о силѣ слова Божія, повелѣвающаго не любить міръ, ни яже въ мірѣ? Здѣсь на каждой страницѣ находимъ заповѣди Господа и Его Апостоловъ: презрѣть міръ, совлещись ветхаго человѣка, обновиться духомъ ума, не блуждать по стихіямъ міра, мудрствовать горняя. Сіи глаголы Божіи не должны оставаться бездѣйственны; отъ насъ вос-

требуютъ нѣкогда отчета въ исполненіи сихъ заповѣдей: нѣтъ, мы должны жить свято. Извѣстно, что земная наша жизнь есть для насъ страна чуждая, а наше собственно отечество на небесѣхъ; туда рано или поздно всѣ мы должны возвратиться или для наслажденія блаженствомъ, или для ужаснѣйшихъ мученій (*). Благо намъ, когда мы въ сей юдоли плача воздыхаемъ объ отечествѣ небесномъ и стараемся его пріобрѣсти; но горе, горе, если время сей жизни, краткое и лукавое, употребленіемъ на удовольствія плоти проводимъ въ гибельныхъ попеченіяхъ о суетной славѣ, забывая себя и Бога. Нынѣ наипаче прилично сказать съ Цицерономъ: о, времена! о, нравы! Едва ли были когда столь тяжкія минуты и гибельныя, какъ настоящія; едва ли была когда такая суета нравовъ человѣческихъ, какъ примѣчаемъ нынѣ? Всѣ мы удалились отъ Господа на распутія міра, живемъ движущіеся мертвецы; лишились духа Божія оживляющаго; нѣтъ между нами христіанской любви, нѣтъ вѣры и надежды на Бога. Можно сказать съ Давыдомъ: нѣсть разумѣваяй, нѣсть взыскуяй Бога, нѣсть даже до единаго; вси уклонишася, вкупѣ неопотребни быша (**). Сколько же блаженъ тотъ, кто чуждъ всеобщаго сего заблужденія, кто видитъ суету міра и не увлекается ею!

И такъ, милыя дѣти! Въ послѣдній разъ слышите отъ меня наставленіе. Прошу васъ не сѣтовать обо мнѣ по чувству человѣческому, если только я заслужилъ ваше сѣтованіе. Вы ничего не теряете во мнѣ, ибо я ничего не сдѣлалъ для васъ великаго. А при новомъ наставникѣ, который съ новыми и лучшими силами и свѣдѣніями, вы пріобретете гораздо болѣе. Хотя, по опредѣленію Всевышняго, мы разлучаемся тѣломъ; но духъ любви моей къ

(*) Конечно, не на небесѣхъ. **Ред.**

(**) Въ текстѣ: *аще есть разумѣваяй, или взыскаяй... нѣсть творяй благое; нѣсть до единаго.* (Пс. 52). **Ред.**

вамъ и вашей ко мнѣ всегда будутъ во взорѣ (?); увѣряю васъ, что и въ уединеніи не забуду васъ, какъ дѣтей юныхъ и милыхъ сердцу. Счастливъ, сто-кратъ счастливъ буду и я, когда въ вашихъ сердцахъ и въ вашей памяти соорудится мнѣ памятникъ незабвенной признательности.

2. Начертаніе должности старшаго.

Обязанности старшаго суть двоякія: а) по отношенію къ нему самому и б) по отношенію къ воспитанникамъ.

А. Постоянная обязанность старшаго къ нему самому состоитъ въ томъ, чтобы

а) собственнымъ примѣромъ предшествовать ученикамъ, его надзору ввѣреннымъ, въ постоянномъ и точномъ соблюденіи правилъ благонравія;

б) принимая во вниманіе всѣ слова и поступки каждаго изъ учениковъ, сообщать начальству прямыя свѣдѣнія о ихъ характерѣ и нравственности;

в) посѣщать квартиры учениковъ, въ его вѣдѣніи состоящихъ, по крайней мѣрѣ однажды въ день во всякое время, а особливо вечеромъ;

г) каждый день по утру, или по вечеру относиться къ инспектору о состояніи квартиръ и о поведеніи учениковъ; объ особенныхъ же поступкахъ, ими сдѣланныхъ, и другихъ происшествіяхъ, заслуживающихъ полное вниманіе, и о посѣтителяхъ доносить безъ малѣйшаго замедленія или самому лично, или чрезъ главнаго старшаго, и

д) никуда не отлучаться надолго и позднимъ временемъ.

Б. По отношенію къ воспитанникамъ обязанность старшаго требуетъ наипаче стараться, чтобъ образъ жизни былъ совершенно соображенъ съ правилами ихъ поведенія. По сему

1) онъ обязанъ наблюдать, чтобъ общій порядокъ часовъ во время ученія былъ соблюдаемъ въ точности. Порядокъ слѣдующій:

а) въ шесть часовъ утра вставать, не позже; въ лѣтнее время можно вставать и ранѣе по произволу;

б) седьмой часъ на одѣяніе посвящается и на молитву;
в) осьмой на приготовленіе къ классамъ;
г) 9, 10, 11 и 12 въ классахъ;
д) 1 и 2 назначаются на обѣдъ, отдыхъ и прогулку;
е) 3 и 4 въ классахъ, изключая нѣкоторыхъ дней;
ж) 5 на отдыхъ и прогулку;
з) 6, 7 и 8 на домашнія упражненія.

Но ученики высшаго и средняго отдѣленія 5 и 6 часъ въ нѣкоторые дни проводятъ въ классахъ, а 7 и 8 на домашнія упражненія.

и) 9 и 10 послѣ ужина частію на отдыхъ, частію на домашнія упражненія и молитву.

і) въ 10 часовъ спать. Впрочемъ тому, кто по невиннымъ причинамъ не исправилъ своего долга въ часы опредѣленные, дозволяется сидѣть и до 11-ти часовъ, а въ 11 непремѣнно спать.

На основаніи сего росписанія часовъ старшій долженъ сопровождать учениковъ во всѣхъ ихъ положеніяхъ.

2) Всѣ упражненія, располагающія къ благочестію, особенно молитвы должны быть строго наблюдаемы. По сей причинѣ старшій обязанъ смотрѣть, чтобъ воспитанники по утру начинали, а къ вечеру оканчивали свое дѣло молитвами, положенными церковію и чтобъ въ воскресные и праздничные дни ходили въ церковь къ началу службы и стояли въ благоговѣйномъ духѣ, не переходя съ мѣста на мѣсто и помня всегда то, что небрежливость къ чтенію и пѣнію и неблагопристойность въ церкви есть великое зло и подлежитъ строгой отвѣтственности, равно какъ отсутствіе отъ богослуженія. Ученики, знающіе читать и пѣть, должны становиться по клиросамъ, а остальные на одной сторонѣ сзади клироса рядами, напереди ученики низшаго отдѣленія, потомъ средняго, далѣе высшаго. На концѣ учениковъ обязаны стоять старшіе. Выходъ учениковъ изъ церкви долженъ происходить чинно и рядами послѣ всѣхъ постороннихъ, начинаясь низшими.

3) Учащіеся въ опредѣленное время всѣ должны быть въ классѣ, и отсутствіе отъ онаго ни подъ какимъ видомъ, кромѣ болѣзни и необходимой отлучки, не позволительно. Въ классѣ должны сидѣть и слушать внимательно. Поздній приходъ и неблаговременный выходъ изъ класса подлежатъ строгой взыскательности. Больный долженъ итти въ больницу, или, оставаясь на квартирѣ, имѣть свидѣтельство отъ смотрителя больницы о своей болѣзни.

4) Во время домашнихъ упражненій воспитанники обязаны быть въ своихъ квартирахъ и заниматься данными имъ уроками. Старшій при посѣщеніи ихъ наблюдаетъ: 1-е, всѣ ли ученики занимаются дѣломъ, тому времени свойственнымъ, отнюдь не дозволяя ни пѣть, ни читать книгъ, ни сочиненій, духовному образованію не приличныхъ; 2-е, не дозволять имъ предаваться праздности, и 3-е, неготовыхъ къ классамъ побуждать къ исправленію. Для лучшаго въ семъ успѣха должна находиться на всякой квартирѣ книга, въ которую каждый ученикъ вноситъ своеручно домашнія упражненія въ продолженіи дня; а старшій, повѣряя сіи записки, въ оную же книгу вноситъ свои замѣчанія о исправности учениковъ, или о ихъ невниманіи къ правиламъ доброй нравственности, означая мѣсяцъ и число.

5) Хотя посѣщенія учениковъ лицами посторонними вовсе и не воспрещается; но а) о всякомъ посѣщеніи въ тотъ же день старшій доноситъ инспектору; б) посѣщенія частыя, особливо лицъ мало извѣстныхъ, и позднимъ временемъ отнюдь не дозволяются; а для того в) старшій обязывается замѣчать качество посѣтителей и, если усмотритъ что либо предосудительное, воспрещаетъ имъ входъ.

6) Отлучка изъ квартиры въ часы отдохновенія на короткое время и для исправленія нуждъ можетъ быть дозволена каждому ученику. Но на воскресные и праздничные дни къ родственникамъ отпускаются по разбору; по-

чему старшій представляетъ объ нихъ записку инспектору, помѣщая въ ней однихъ исправныхъ и благонравныхъ. Отлучка на ночь не можетъ быть иначе, какъ съ дозволенія одного инспектора. Всякій уволенный долженъ въ 4 часа возвращаться на квартиру и явиться старшему, который въ свое время увѣдомляетъ о томъ инспектора, или самому инспектору по его назначенію.

7) Прогулка въ лѣтнее время можетъ быть и внѣ занимаемыхъ квартиръ. Но ученики обязуются имѣть прогулку въ часы, для сего назначенные, не каждый порознь, но многіе вмѣстѣ,—а старшій, одному изъ нихъ надежнѣйшему поручая смотрѣніе за прочими, требуетъ отъ него отчета въ ихъ поведеніи. Полное право на прогулку имѣютъ ученики благонравные, а замѣченные въ какихъ-либо проступкахъ иногда въ наказаніе лишаются сего права. Самая прогулка должна простираться не далѣе одного часа и всегда должна быть сопровождаема скромностію.

8. Въ каждой квартирѣ старшій имѣетъ довѣреннаго ученика, на отвѣтственности коего состоитъ квартирная книга поведенія, и который старшему помогаетъ смотрѣть за учениками. Въ сей книгѣ каждодневно отмѣчается всякая вообще отлучка, даже и на самое короткое время, съ означеніемъ: кто именно, куда и на сколько времени отлучался и когда возвратился.

Кромѣ сихъ постоянныхъ должностей, каждый изъ старшихъ по очереди принимаетъ на себя особенную обязанность въ продолженіи дня, а именно: а) онъ наблюдаетъ, всѣ ли ученики и въ опредѣленное время приходятъ въ классъ и всѣ ли сидятъ благочинно. Свѣдѣнія объ отсутствующихъ по разнымъ причинамъ собираетъ отъ смотрителя больницы, отъ прочихъ старшихъ и изъ классическихъ журналовъ.

б) Смотритъ за исправностію повѣстокъ (*), отбирая и представляя оныя, кому слѣдуетъ, для подписанія.

в) Въ случаѣ сомнительной отлучки ученика отъ класса обязанъ знать его квартиру и лично свидѣтельствовать его положеніе. По сей причинѣ г) донесенія о благосостояніи учениковъ въ классахъ и о небывшихъ въ оныхъ по какимъ либо причинамъ составляетъ и представляетъ каждодневно инспектору самыя вѣрныя, подъ опасеніемъ въ случаѣ небреженія строгой отвѣтственности.

Семинаріи Инспекторъ, Архимандритъ *Агапитъ*.

Сентября 6 дня
1830 года.

3. Разговоръ о пользѣ наукъ на публичномъ экзаменѣ семинаріи.

Богословъ, Философъ, Математикъ, Ораторъ, Историкъ и Мизософъ.

Историкъ. Люблю разсматривать въ Исторіи картины,
Какъ въ древности цвѣли науками Аѳины,
Какъ свѣтъ наукъ изъ нихъ въ страны другія текъ,
И какъ при свѣтѣ ихъ ничтожный человѣкъ
Проникъ въ чудесную гармонію природы,
Открылъ, опредѣлилъ существъ различныхъ роды,—
Какъ все разсматривалъ, все въ мірѣ наблюдалъ,
Испытывалъ, судилъ, цѣнилъ, изобрѣталъ,
И, наконецъ, какъ онъ изъ опыта и правилъ
Обширный кругъ наукъ, системы ихъ составилъ.
Мизософъ. Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ наукъ въ подлунной заблисталъ,
Мнѣ кажется, что родъ людей несчастнѣй сталъ.
Рекъ истину Руссо: науки и искуство
Изгладили въ сердцахъ любви чистѣйшей чувство;
При просвѣщеніи коварство начало
Повсюду изрыгать убійственное зло.
Ораторъ. Славнѣйшій эгоистъ Руссо, какъ врагъ природы,
Какъ просвѣщенья бичъ, политики, свободы,

(*) Должно быть, почтовыхъ объявленія о денежныхъ пакетахъ.
Ред.

Мечтать такъ могъ; но таковымъ мечтамъ
Въ нашъ льзя ли вѣрить вѣкъ? мечты онъ передалъ
Непросвѣщенія въ завистливыя руки,
Чтобъ гнать съ лица земли и Бога и науки.

Богословъ. Науки не на тотъ возвысились конецъ,
Чтобъ быть орудіемъ неистовства сердецъ.
Виновны ли онѣ, какъ мечь въ рукахъ героя,
Когда наклонности души къ добру разстроя
И разумъ изостря наукой человѣкъ,
Во слѣдъ нечестію безтрепетно потекъ.
И рѣзвая пчела и челюсти зміины
Одинъ и тотъ же цвѣтъ сосутъ, но не единый,
По свойству каждаго, отъ нихъ родится плодъ:
Змѣя готовитъ ядъ, а пчелы носятъ медъ.

Мизософъ. Науки защищать вы силитесь напрасно:
Доколѣ человѣкъ не судитъ безпристрастно,
Дотолѣ подъ луной не истребится зло.
Пусть думой осѣнял угрюмое чело,
Философъ мудрствуетъ о таинствахъ природы;
Пускай историка перо чернитъ народы
И ядъ злословія на гробъ умершихъ льетъ;
Пусть математика измѣритъ цѣлый свѣтъ,
Сочтетъ число планетъ и пишетъ имъ законы;
Пусть славятся вездѣ витійствомъ цицероны;
Пусть богословіе, священны письмена
Посѣютъ на сердцахъ животны сѣмена:
Но истины прямой не найдутъ въ поднебесной;
Лишь тамъ въ странѣ для насъ доселѣ неизвѣстной,
Куда, оставя прахъ, душа прейти должна,
Во всемъ величіи откроется она.
А здѣсь политика, ошибки, предразсудки,
Тщеславіе, расколъ — унизили разсудки.

Философъ. Имѣвъ различныя и вѣрныя пути,
Возможно истину и въ жизни сей найти.
Умъ человѣческій, возвышенный, пытливый,
Изобрѣтательный, успѣхами счастливый,
И міръ физическій и нравственный слѣдилъ,
И рѣдко къ истинѣ пути не находилъ.

Но гдѣ мечтательно судилъ и ошибался,
Тамъ любомудрія кругъ болѣй расширялся,
Ошибка къ истинѣ была нерѣдко дверь.—
И сколько есть системъ, разрушенныхъ теперь;
Но что въ нихъ истинно, то съ ложью не пропало,
И ново бытіе, какъ фениксъ, восприяло.
Историкъ. Бытописанія народовъ и временъ,
Начала государствъ, ихъ разныхъ перемѣнъ,
Исторіи мужей въ наукахъ знаменитыхъ,
Героевъ лаврами и славою покрытыхъ,
Ужасныя дѣла Нероновъ и Аттилъ,
Отъ коихъ дольній міръ театромъ смерти былъ —
Любовь къ добру въ сердцахъ потомства возжигаютъ.
Какъ часто вѣра и разсудокъ погасаютъ,
Гдѣ добродѣтели прямой примѣровъ нѣтъ.
Не каждый ли другимъ здѣсь слѣдуя живетъ?
Коль смѣлою рукой раскрыть потомство смѣетъ
Завѣсу древности; то нужды не имѣетъ
Неистина водить историка перомъ:
Никто не назоветъ прямое зло добромъ:
Такъ ядъ злословія не льетъ онъ на могилы.
Математикъ. Измѣрить цѣлый міръ, раскрыть природы силы,
Законы, коимъ все покорствуетъ, познать—
Глубокомыслія есть ясная печать.—
И математика, проникнувъ въ связь вселенной,
До бытія ея причины непремѣнной
Путемъ надежнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ доведетъ;
Въ наукѣ сей пустыхъ хитросплетеній нѣтъ.
Тамъ въ Аристотеля, тамъ вѣруютъ въ Платона;
Тамъ схоластизмъ чело свое вздымаетъ снова;
Тамъ Кантовы рабы все лѣпятъ въ формы чувствъ, ума:
Но математика расколовъ сихъ чужда.
Въ ней истина одна, одно какъ солнце въ мірѣ;
Все твердо и ясно, какъ дважды два—четыре.
Ораторъ. Гдѣжъ краснорѣчіе поставило свой тронъ,
И человѣческій и Божескій законъ
Со всей тамъ лѣпотой витійства изъяснится;
Витійствомъ болѣе нашъ можетъ слухъ плѣниться,

Чѣмъ математики теоремой сухой.
Картина естества и въ осень и весной
Въ великолѣпіи равна и необъятна;
Но взору болѣе тогда она пріятна,
Когда разсыпавшись по зелени цвѣты,
Съ великолѣпіемъ смѣшаютъ красоты.
Такъ краснорѣчія чудесное искуство
И сердца и души обворожаетъ чувство.
Но гдѣ витійствуетъ тщеславіе одно,
Тамъ чувствіе добра во злѣ погребено.
По мнѣнью славнаго витійствомъ Цицерона,
Ораторъ долженъ быть блюстителемъ закона.
Богословъ. Науки всѣ сіи полезны быть должны;
Коль богословія лучемъ озарены;
Оно въ юдоли сей всемощною рукою
Зло нравственно женетъ, какъ ярый громъ стрѣлою.
Что былъ бы человѣкъ, когда бы свѣтъ его
Обильно не лился отъ неба на него?
Въ паденіи своемъ утратившн свободу,
Онъ въ ужасъ бы привелъ и самую природу.
Такъ богословіе—святая дщерь небесъ,
Лія источники Божественныхъ словесъ,
Творца съ твореньемъ рукъ Его соединяетъ,
И падшій образъ въ немъ чрезъ гласъ свой возставляетъ.
Мизософъ. Но просвѣщеніе не истребило зло
И пользы никакой оно не принесло.
Философъ истины разсудкомъ измѣряя,
Исторія добра примѣры выставляя,
И математика съ познаніемъ Творца,
Ораторъ дѣйствуя витійствомъ на сердца,
И богословіе лія спасенья рѣки
На искупленные отъ смерти человѣки,
Не принесли еще желаннаго плода,
Чтобъ зло искоренить изъ сердца навсегда.
Гдѣжъ истинный мудрецъ, народовъ благодѣтель,
Могущій водворить въ подлунной добродѣтель?
Философъ. Пусть разума никто изъ смертныхъ не лишенъ,
Но разуму предѣлъ извѣстный положенъ.

И такъ природное имѣвъ несовершенство,
Находитъ иногда въ мечтаніи блаженство
И уклоняется отъ праваго пути,
Которымъ надобно ко счастію итти.
Природы матери священные уставы —
Не премѣняемы; ея законы правы.
Но разумъ дѣйствуя противъ законовъ сихъ,
Нерѣдко зрителемъ бываетъ слѣдствій злыхъ.
Такъ самолюбіе, гордыней упоенно,
Ліетъ въ неистовствѣ своемъ неимовѣрномъ
Злословіе на все, — на Бога, на царей, —
И хочетъ правила писать вселенной всей;
Такъ какъ напитанны безбожіемъ Волтеры
Бичами сдѣлались добра, порядка, вѣры.

Историкъ. Читай исторію; но если твой языкъ
Жестокость выражать отъ юности привыкъ,
Оставь; — или она твою жестокость усугубитъ:
Подобныхъ образцовъ искать привычка любитъ.
Къ жестокосердію привыкши Тамерланъ,
Какъ тигръ, ужасенъ былъ для всѣхъ восточныхъ странъ;
Ни искры не имѣвъ въ груди своей любови,
Вселенну потоплялъ въ струяхъ невинной крови;
Или раскрой ее, одно добро любя, —
И добродѣтельнымъ содѣлаетъ тебя.

Математикъ. Пространство цѣлой я вселенной обтекая
И равновѣсіе міровъ опредѣляя,
Неизмѣняемы вездѣ законы зрю,
И съ трепетомъ въ душѣ дивлюсь ея царю. —
И математику конечно бы считали
Прекраснымъ для сердецъ училищемъ морали,
Когда бы знали жизнь Невтона и другихъ,
Когда бы всякой бралъ въ примѣръ для нравовъ ихъ.
Покоя моего ничто не возмущаетъ,
Коль мысль моя въ ея училищѣ витаетъ;
При углубленіи душевныхъ силъ въ нее,
Я чувствую одно разсудка бытіе:

Ораторъ. И солнце не для всѣхъ существъ равно блистаетъ,
Ночнымъ нетопырямъ оно глаза смѣжаетъ

И яркій свѣтъ для нихъ мрачнѣе черныхъ тучь;
Но намъ необходимъ его блестящій лучь:
Такъ сладкій гласъ витій—источникъ просвѣщенья,
Хотя не каждаго, губитель заблужденья;
Но онъ ли въ томъ виной, что близорукій умъ,
Пія всегда страстей порочныхъ опіумъ,
При гласѣ истины сномъ мертвымъ засыпаетъ;
Онъ краснорѣчія цѣны не унижаетъ.

Богословъ. Такъ точно, этому причина въ насъ самихъ;
Спаситель говоритъ намъ въ притчахъ такъ своихъ:
Ученья сѣмена не всѣ произрастаютъ,
Иныя въ терніе пороковъ упадаютъ,
Другія при пути заботъ мірскихъ, суетъ,
На сердце каменно, гдѣ вовсе влаги нѣтъ.
Но кто причиною? святое-ль откровенье,
Иль гнусный рабъ страстей, въ которомъ заблужденье,
Какъ мрачна ночь свѣтъ истины прямой,
Старается затмить, искоренить собой?

Мизософъ, Пусть польза-бъ для ума отъ всѣхъ наукъ была;
Но сколько плоть сія претерпѣваетъ зла;
Утрата юности, здоровья и свободы
Ужасный бичь для человѣческой природы.
Когда натура насъ сама ведетъ къ добру,
Безъ просвѣщенія, счастливымъ я умру.

Математикъ. Мечтаемъ, Мизософъ, и думаемъ такъ ложно;
Безъ просвѣщенія счастливымъ быть не можно.
И если человѣкъ когда несчастливъ былъ,
Конечно, разума свѣтильникъ погасилъ
И гласу не внималъ ни сердца, ни природы;
Утрата жъ юности, здоровья и свободы
Всегда бываетъ тамъ, гдѣ бѣдный человѣкъ,
Безъ правилъ, безъ наукъ проводитъ весь свой вѣкъ.

Философъ. Отречься надобно и разума и чувства,
Что будто свѣтъ наукъ, изящныя искуства,
Облагородивши, возвысивши людей,
Ихъ вмѣстѣ дѣлали невольными душей.
Ахъ, нѣтъ! свобода ихъ ни чѣмъ не истребится.

Мизософъ. Способность понимать въ младенцѣ—лишъ родится,

Лишъ мысли изъяснять языкъ его начнетъ, —
Несчастный мученикъ надъ книгой слезы льетъ,
И первы дни свои, какъ розу въ нѣжномъ цвѣтѣ,
Угрозы и урокъ всегда имѣвъ въ предметѣ,
Къ несчастью своему, на цѣлый вѣкъ убьетъ,
Здоровье разоритъ и силы подорветъ
И въ утро майское, какъ въ сентябрѣ желтѣетъ;
Не такъ ли юное отъ страха сердце тлѣетъ!
Когда бъ не отняли свободы у него,
Тогдабы въ простотѣ онъ сердца своего,
Какъ хочется ему, спокойно забавлялся
И самъ собой всегда бъ довольнымъ оставался.

Ораторъ, Непросвѣщеніе такъ думаетъ одно;
Не съ тѣмъ намъ бытіе творцемъ небесъ дано,
Чтобъ въ нѣгѣ, праздности мы жизнь препровождали;
Нельзя не чувствовать какой либо печали.
И легко облако не рѣдко солнце тмитъ.
Свобода же души не въ этомъ состоитъ,
Чтобъ слѣдовать во всемъ единой буйной волѣ;
Оно то и влечетъ людей къ несчастной долѣ.

Мизософъ, Ужели моему желанію предѣлъ
Извѣстный положенъ? Ужель что захотѣлъ,
И произвесть того я въ дѣйствіе не смѣю,
Когда способности и силы я имѣю?
Я все исполню то, и никакой законъ
Не въ правѣ положить желаніямъ препонъ.

Богословъ, Конечно, никакой законъ не запрещаетъ,
Чего душа твоя себѣ ни пожелаетъ,
Согласно бъ было то лишъ съ цѣлію святой,
Для коей созданы мы творческой рукой.
Когда гражданскіе и Божески законы
Худымъ желаніямъ поставили препоны,
Хотѣли, чтобы мы, одно добро любя,
Къ нему единому сремилися всегда.

Философъ, Живя во области богатыя природы,
Должны внимать и ей и голосу свободы;
По волѣ нашей жить онѣ намъ запретятъ,
Но чтобы было все въ добро, — творить велятъ,